

2. «Предшественники» Владимира Высоцкого

Стремительный рост популярности Владимир Высоцкого у многих вызывает иллюзию, что он действительно влетел в жизнь Страны Советов, как метеорит из безвоздушного пространства и открыл всем глаза, как ожидаемый евреями Мессия, на то, что у всех, ещё задолго до него, не вызывало никакого удивления. А тут, как-то и даже вдруг, сразу, «повеяло» в спиртном перегаре повседневности, «романтикой жизни» бунтующей за столом или на сцене концертного зала, сильной личности, которая могла перевоплотиться в кого угодно, и была понятна всем без исключения слоям и «криминальным прослойкам» советского общества. Кому-то послышался протест на то, что не могло вызвать никакого протеста, а кто-то воспринял рвущуюся наружу душевную боль и физические страдания талантливого артиста, как ещё один, к тому же теперь «уважительный» повод выпить.

Но до Владимира Высоцкого уже были два очень популярных, выделившихся на фоне остальных, барда – Булат Окуджава и Александр Галич. И говорить, что они, никак не повлияли на творчество Владимира Высоцкого, как на автора-исполнителя своих песен, просто смешно.

В Интернете я неоднократно наткнулся на статьи и ссылки на статьи Марка Цыбульского о Владимире Высоцком. В них тот, с кем только не сравнивал Владимира Семёновича или не ставил с ним рядом, в основном в части общения и дружеских отношений и не трудно было сразу догадаться зачем. Однако и с избытком у него хватало лиц, удостоившихся внимания автора, вообще, непонятно почему.

Лично у меня, упоминаемые Марком Цыбульским, всякие там «Абрам Семёнычи», как бы они не были знамениты в своё время, и чем-то могли помочь Владимиру Высоцкому, но не помогли, совсем не заинтересовали, как думаю и большинство других читателей, кто интересуется до сих пор творчеством самого известного советского барда.

Но мне, во всяком случае, захотелось узнать о взглядах этого автора, как говорится живую, то есть не в электронном и, к сожалению, большей частью, в эфемерном виде, если можно так выразиться, из-за постоянных правок в Интернете материалов статей и нагромождения в них всевозможных комментариев, а непосредственно из изданной им книги. Так я и сделал, когда приобрёл действительно «уникальный» труд Марка Цыбульского, с громким интригующим названием «Планета Владимир Высоцкий» (М., «Эксмо», 2008).

К сожалению, представляющей для меня самый большой интерес, статьи «Галич и Высоцкий», в этой книге не оказалось, и пришлось довольствоваться той, что была в Интернете на сайте <http://www.vysockii.ru/stati/galich-i-vysockij>.

Хотя в книге Марка Цыбульского есть отдельная статья о Булате Окуджаве, но, говоря в ней о нём, автор умудрился обойтись там без упоминания об Александре Галиче, но зато, говоря об Александре Галиче, он, почему не решился, также стороной, обойти Булата Окуджаву. Но так как в этих статьях Марка Цыбульского многие подходы к творчеству Владимира Высоцкого, перекликаются с моими взглядами, хотя и никогда не смогут полностью совпасть, то я решил, всё то, с чем можно согласиться и что не обязательно подвергать тщательной проверке, включить в свою статью, избегая ненужного комментирования.

Это связано с тем, что я рассматриваю творчество Владимира Высоцкого, через призму своего личного восприятия, в разные периоды только своей жизни, и не ставлю своей целью написать биографию самого популярного в народе барда, и тем более не претендую на доказательство его какой-либо исключительной (судьбоносной) роли в истории нашей страны.

Сначала я хотел привести только несколько фрагментов из статей «Галич и Высоцкий» и «Владимир Высоцкий и Булат Окуджава», но потом ещё раз перечитав первую статью, понял, что сделать это невозможно.

В отличие от взаимоотношений Высоцкого с Окуджавой, о взаимоотношениях Галича с Высоцким, в части их конкретных высказываний относительно друг о друге, а не о творчестве в целом, в статье об Александре Галиче практически не сказано ничего. Поэтому приходится использовать материалы статьи Марка Цыбульского о Галиче полностью, с некоторыми уточнениями справочного характера, и с небольшими комментариями, без которых, к сожалению, нельзя было никак обойтись:

«Когда слышишь слова «авторская песня», то вспоминаются три имени – Александр Галич, Булат Окуджава и Владимир Высоцкий. Совершенно различные, как по стилю, так и по тематике своей поэзии, они подняли авторскую песню до уровня самостоятельного поэтического жанра. Поэты, однако, живут не в безвоздушном пространстве. На творчество любых, даже самых самобытных из них, в большей или меньшей степени оказывает влияние поэзия других авторов, как правило, старшего поколения.

Из триады корифеев авторской песни В.Высоцкий был самым молодым. На своих концертах он довольно часто говорил о том, что стал, так сказать, поющим поэтом под влиянием Б.Окуджавы. Высоцкий называл Окуджаву своим духовным отцом, будучи уже зрелым поэтом, посвятил ему «Притчу о Правде и Лжи».

Было ли какое-нибудь влияние на Высоцкого со стороны А.Галича? Каковы вообще были их взаимоотношения? Я попытался проанализировать это, приняв участие в полемике на страницах газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк) в 1997 году.

У моей статьи, помещённой в «Новом русском слове» 31 октября 1997 года, оказалась довольно необычная судьба. Её перепечатали в сборнике «Мир Высоцкого», снабдив послесловием редакции альманаха, и отказали в просьбе дать возможность ответить на редакционный комментарий. Ну, нет проблем, – я ответил в московском журнале «Вагант–Москва», поскольку понимал, что и у альманаха, и у журнала читатели одни и те же.

С тех пор прошло уже немало времени, страсти улеглись, и мне хочется снова вернуться к вопросу, ответ на который я пытался найти семь лет назад: какие отношения связывали Галича и Высоцкого?

Непосредственным поводом написания статьи стала заметка Н.Панькова «Процесс взвешивания на критических весах», в которой автор писал:

«Мне же (это исключительно моё личное мнение) кажется, что новосибирский фестиваль бардов, вернее, вызов, брошенный на нём Галичем системе, очень сильно повлиял на творчество Владимира Высоцкого. Высоцкий же, как диссидент появился позже».

Автор заметки оговаривается, что он вовсе не считает себя специалистом по творчеству Высоцкого, поэтому эти строки следует рассматривать не как спор с Н.Паньковым, а как размышления человека, более двадцати лет занимающегося высококоведением, о том, что же было общего и что разделяло А.Галича и В.Высоцкого.

Несомненно, общим был талант, та Божья искра, без которой нет поэтов, а есть заурядные рифмачи-стихоплёты. Общим было глубинное знание предмета стиха, чистота языка, отточенность рифм. А самое главное – гитара...

Давайте спросим себя: если бы Галич свои стихи не исполнял под гитару, а просто читал (что, кстати, вполне возможно, – поэзия Галича вовсе не проигрывает от отсутствия музыкального сопровождения), пришло бы кому-нибудь в голову сравнивать их со стихами Высоцкого?

Да нет, конечно! Ведь не только тематикой они отличались, – сами внутренние двигатели их творчества были разными.

Когда Высоцкий ещё только начинал, в активе Галича были уже и пьеса «Матросская тишина», и песни, весьма серьёзные по содержанию. Годы гонений были, однако, ещё впереди.

Галич продолжал оставаться членом творческих союзов, по всей стране шла пьеса «Вас вызывает Таймыр», по радио звучал его знаменитый шлягер «До свиданья, мама, не горюй!»

Любопытно, что когда в конце 1965 года журналисты еженедельника «Неделя» брали интервью у поэтов, занимавшихся авторской песней, то Высоцкого среди опрошенных не оказалось, а вот Галич был, что в определённой мере говорит о степени популярности обоих на тот момент. Никаких оснований избегать встреч со старшим коллегой у Высоцкого не было.

Он и не избегал, но, кажется, и не очень стремился к общению. Во всей мемуарной литературе о Высоцком есть лишь два свидетельства того, что с Галичем он был знаком и несколько раз встречался.

Вспоминала актриса Т.Додина (*Таисия Владимировна, 1938 – 1998, актриса Театра на Таганке*):

«Когда мы учились на третьем курсе (в 1959 году, уточняет Марк Цыбульский), на сцене нашей студии репетировали пьесу «Матросская тишина» Галича, репетировали актёры будущего театра «Современник».

. Уже тогда Володя (*Высоцкий*) встречался и общался с Галичем. А следующая встреча с ним произошла в Риге... В Прибалтике тогда (в 1960 году, *уточняет Марк Цыбульский*) отдыхал Галич, и я хорошо помню, что мы собирались в нашем большом номере, много разговаривали, Галич пел, пел и Володя (*Высоцкий*)».

Второе воспоминание принадлежит С.Чеснокову (*Сергей Валерианович - российский учёный, математик, социолог, культуролог, музыкант, а самое главное, прекрасный бард - «наш советский Пит Сигер»*):

«Александр Аркадьевич лично говорил мне, что к нему «...вчера приходил Владимир (*Высоцкий*), спел новую песню». Он записал её и показал мне запись, это была только что написанная «Банька»... Дату точно не помню, но это определённо было в конце шестидесятых, вероятно, осенью 1968 года».

Ещё два свидетельства общения Высоцкого и Галича удалось отыскать автору этих строк. Фотохудожник В.Нисанов (*Валерий Натанович, сосед и собутыльник Высоцкого по дому, на Малой Грузинской*) рассказывал мне, что вдова Б.Пастернака О.Ивинская говорила ему, что у неё на кухне однажды по очереди пели свои песни Александр Аркадьевич и Владимир Семёнович.

Другой известный фотограф, Л.Лубяницкий (*Леонид Давидович, в 1972 году эмигрировал в США*), знавший обоих поэтов, говорил мне, что они встречались в Москве, но никаких деталей он не знает.

В середине 1960-х гг. Высоцкий не часто, но всё же исполнял на концертах и домашних вечерах не свои песни.

В его исполнении известно «Бабье лето» И.Кохановского (*Игорь Васильевич, современный российский поэт-песенник, один из самых близких друзей Высоцкого*), «Зонг о десяти ворчунах» на слова неизвестного автора, «Поговори хоть ты со мной...» А.Григорьева (*известный русский поэт и критик Аполлон Александрович Григорьев, 1822 – 1864*) и другие вещи.

Из песен Галича Высоцкий исполнял лишь одну – «Чувствуем с напарником: ну и ну...».

Как уточняет Марк Цыбульский:

«Во всяком случае, фонограмм других песен Галича в исполнении Высоцкого не обнаружено. Надо, однако, сказать, что высокоцковед из Латвии В.Бакин (*Виктор*) писал мне, что он слышал песню Галича «Тонечка» в исполнении Высоцкого, но запись не сохранилась».

Песня эта отнюдь не из самых острых у Галича. Может быть, Высоцкий опасался? Вряд ли, ведь до самого конца 1966 года он публично исполнял и «Штрафные батальоны», и «Песню про попутчика» (имевшую, кстати, вариант названия «Песня про тридцать седьмой год»), по тематике весьма близкие к песням Галича. Так что, видимо, не в опасении дело, а просто – не нравилось.

С 1967 года «Песня про попутчика» публично Высоцким не исполнялась. На новосибирский фестиваль он не поехал, а лишь послал участникам приветственную телеграмму.

Как уточняет Марк Цыбульский:

«Кстати, так же поступили и Окуджава, и Ким, и Анчаров».

Почему? Да потому, что никаким диссидентом, вопреки утверждению г-на Панькова (*Марк Цыбульский уточняет - он, правда, далеко не первый, кто так считает*), Высоцкий никогда не был! Он не любил многое, гораздо больше того, о чём написал в известном стихотворении, но и любил он значительно больше. Галич же был заряжён ненавистью. Да, – благородной, справедливой, но – ненавистью...

Однажды, уже после эмиграции, в передаче радиостанции «Свобода» Галича попросили оценить собратьев по авторской песне – Окуджаву и Высоцкого. Галич ответил так:

«Высоцкий – более жанров (чем Окуджава, – *уточняет Марк Цыбульский*), но, к сожалению, я бы сказал, более неразборчив: у него есть замечательные произведения, но рядом с ними идёт поток серых и невыразительных сочинений».

Высоцкий – неразборчив?! Звучит странно, но, видимо, дело в том, что Галича, годами разрабатывавшего всего одну тему – тему отрицания Советской власти, – широко раскрытые на любые проявления жизни глаза Высоцкого просто раздражали, он этого не понимал. Точно так же, как и Высоцкий не понимал односторонности Галича.

А может быть, Высоцкий знал об обвинениях со стороны Галича? Если так, то нежелание его общаться со старшим «коллегой по цеху» делается вполне понятным...

Автор книги «Русские» Х.Смит пишет:

«Падение Галича началось с вечеринки в декабре 1971 года, на которой он даже не пел. По словам Галича (выделено *Марком Цыбульским*), Высоцкий пел его песни на свадьбе молодого актёра Ивана Дыховичного, женившегося на Ольге Полянской, дочери члена Политбюро Дмитрия Полянского. Полянский, имеющий репутацию консерватора, усмехался, слушая песни Высоцкого, но пришёл в ярость, услышав острые сатиры Галича...

По словам Галича, Полянский в тот же вечер позвонил Петру Демичеву, главному партийному надзирателю за культурой, и через десять дней, 29 декабря, Галич был исключён из Союза писателей за пропаганду сионизма, поощрение эмиграции в Израиль и отказ осудить издание своих песен на Западе».

За разъяснениями я обратился к И.Дыховичному (*Иван Владимирович, с 1970 по 1980 год - актер Театра на Таганке*):

«Это такая глупость... Это такой бред... Ну, трудно себе представить просто! Володя (*Высоцкий*) пел на моей свадьбе, но пел он свои песни, а не Галича», – сказал он в телефонной беседе.

В общем, такой ответ я, конечно, и предвидел. Петь песни Галича в присутствии члена Политбюро – это уже не глупость, а подлость. Представить, что Высоцкий был на такое способен, разумеется, невозможно...

Автор этой статьи вынужден сделать некоторые замечания по ходу цитируемых им фрагментов статьи Марка Цыбульского об Александре Галиче, в части, что в ней касается Владимира Высоцкого. Первое, что сразу бросается в глаза это стремление отобразить максимальное количество источников информации, и сделать, правда, с оговорками предварительные выводы, без проверки изложенных фактов, а то и просто явного бреда некоторых лиц. Особенно это касается свадьбы с дочерью члена Политбюро ЦК КПСС такого «конъюнктурного хмыря», как Иван Дыховичный, воспоминаниям которого грош цена, особенно о присутствии на его свадьбе Владимира Высоцкого.

И второе, что на этой свадьбе, по другим таким же сомнительным источникам, отмечается, лишь прослушивание во время застолья или между пересервировками столов, магнитофонных записей с песнями Галича и Высоцкого. И врятли теперь установишь, случайно ли их услышал отец невесты, или сам жених дал их ему послушать, чтобы выслужиться перед ним, подчеркнув, как «истинный, кристально чистый, советский еврей» свою полную лояльность перед коммунистической партией Советского Союза.

Остаётся только тоже сослаться на непроверенный источник, комментарий (от 28.09.2009, 23:06) некого «Владимира на статью в газете «Комсомольская правда» от 27.09.2009 года «В Москве скончался известный кинорежиссёр и актер Иван Дыховичный»

Владимир:

«Да, Высоцкий, посвятил Ивану этот экспромт (сказку в стихах «Про Витьку Кораблёва и друга закадычного Ваню Духовичного»).

Увековечил... Иван же неоднократно на правах «старого товарища» делился с ТВ аудиторией нелицепрытными воспоминаниями и оценками Высоцкого-человека ... Что ощущалось, как гнусность! Высоцкий ведь трогательно поддерживал молодого актёра, делил с ним концерты и доходы с них... Хотя приглашали на эти концерты ТОЛЬКО ВЫСОЦКОГО!

Иван был эдаким золотым еврейским мальчиком: тесть - крутой брежневский партократ! Женился на дочке - квартира, машина, спецаёк, спецобслуживание...

Лавры Высоцкого и Любимого не давали ему покоя. Ничего запоминающегося не создал. А бездарная «Копейка» (фильм Дыховичного) рекламировалась, как сногшибающее откровение Дыховичного о Высоцком.

Потому и сбор был! Фильм ведь НИКАКОЙ! Изменил идеалам юности и памяти старшего товарища - действительно гениального Поэта Владимира Высоцкого ...» (комментарий «Владимира» на статью в «КП» взят с сайта: kp.ru/daily/24367/551192).

Пожалуй, хватит говорить об Иване Дыховичном и пора снова вернуться к выдержкам из статьи об Александре Галиче Марка Цыбульского:

...Бывая за границей, Высоцкий открыто встречался с людьми, общение с которыми советским гражданам, мягко говоря, не рекомендовалось.

В Париже он присутствует на вручении премии А.Синявскому (Андрей Донатович - литературный псевдоним - Абрам Терц родился 8 октября 1925 года в Москва, умер 25 февраля 1997года в Париже, русский литературовед, писатель, литературный критик, политзаключенный), в Нью-Йорке навещает И.Бродского (Иосиф Александрович родился 24 мая 1940 в Ленинграде, умер 28 января 1996 года в Нью-Йорке — русский и американский поэт, эссеист, драматург, переводчик), в Бостоне беседует с Н.Коржавиным (настоящая фамилия –

Мандель, Наум Моисеевич родился 14 октября 1925, поэт, бывший сталинский политзаключённый, проживает в США).

Долгие годы дружбы связывали его (*Высоцкого*) с отвергнутым Советской властью и выброшенным из страны М.Шемякиным (*Михаил Михайлович - российский и американский художник, скульптор и один из самых близких друзей Высоцкого*), жившим тогда во Франции. Уж он-то должен знать, встречались ли Высоцкий с Галичем за рубежом:

«Нет, они не встречались. Володя (*Высоцкий*) его не любил и встреч не искал», – ответил мне на этот вопрос М.Шемякин.

А вот ещё любопытное свидетельство. Известный высокоцковед Б.Акимов (*Борис Спартакович Акимов, он же Эрик Милоский*), тесно общавшийся с Высоцким в последние годы его жизни и помогавший ему готовить тексты для книги стихов, которую Высоцкий пытался «пробить», рассказал мне такой случай:

«Я пришёл к нему, мы начали разбирать рукописи. И тут я говорю:

- Владимир Семёнович, а вот эта строка (сейчас уже не помню, какая) похожа на галичевскую.

Он сразу:

- Какая? – Я показал, он взглянул и тут же сказал:

- Иди домой, мне сейчас некогда. - А собирались как раз поработать подольше...».

Свидетельств того, как оценивали друг друга Галич и Высоцкий, известно, в общем-то, немного.

Слова Галича в интервью «Свободе» приводились выше. Известны также воспоминания знакомого Галича – В.Лебедева (*Валерий Петрович, советский философ и историк, в апреле 1984 года был исключён из КПСС, в 1990 восстановлен в партии, в конце 1992 года эмигрировал в США*):

«Ещё в начале нашего знакомства спрашивал его о Высоцком. Оценил высоко. Даже в незамысловатых (как бы) стихах сразу выделил строчку:

«Ведь массовик наш Колька дал мне маску алкоголика». «Это, – сказал Александр Аркадьевич, – очень хорошо. И это тоже:

Хвост огромный в кабинет
Из людей, пожалуй, ста,
Мишке там сказали – нет,
Ну а мне – пожалуйста.

Пожалуй, ста и пожалуйста – это просто здорово».

Высоцкий, находясь летом 1974 года в Набережных Челнах, о Галиче в интервью отзывался похуже:

«Один элемент у него сильный и преобладающий – сатирический. Может, поэтому музыкальный и текстовый отстают».

Вспоминал сценарист И.Шевцов (*Игорь Константинович*):

«О Галиче: «А-а.. "Тонечка!".. «Останкино, где «Титан»-кино»... Когда вышла его книжка в «Посеве», кажется – он ещё здесь был, – там было написано, что он сидел в лагере. Я его спрашивал:

«А зачем Вам это?» - Он только смеялся».

Не могу не сказать ещё несколько слов о «диссидентстве» Высоцкого. В 1976 году, когда он был в США, его пригласили на телепередачу «60 минут».

Через много лет известный американский славист Б.Рубин, лично знавший Высоцкого, вспоминая о той передаче, сказал мне:

«Думаю, что советское правительство было просто счастливо, что «60 минут» передали интервью с Высоцким. Они представили его как диссидента, что было, конечно, смешно: если диссидент может отправиться на Таити или выступить в Америке, то не так уж тяжело ему приходится в родной стране».

Да, Высоцкий диссидентом не был. Но почитайте его стихи – и вы поймёте, что он очень хорошо знал, что на деле представлял собой «великий могучий Советский Союз»:

Схлынули вешние воды,
Высохло всё, накалилось.
Вышли на площадь уроды –
Солнце за тучами скрылось.

А урод-то сидит на уроде
И уродом другим погоняет,
И это всё – при народе,
Который приветствует в роде
И вроде бы всё одобряет.

Тут уж, как не хотелось Константину Коханову, но пришлось вносить в статью Марка Цыбульского свои комментарии, потому что подобные стихи (песни) с нехарактерными для Владимира Высоцкого высказываниями и тем более стилем изложения, я проверяю всегда. Решил и на этот раз уточнить второй куплет, и вот что оказалось:

А урод на уроде
Уродом погоняет.
Лужи высохли вроде,
А гнилью воняет. (1966)

Попытки найти какие-нибудь разночтения и варианты текста этой песни не увенчались успехом. Никакие ссылки и упоминания на подобный или близкий к этому текст, мной не найдены. Нашлась только одна цитата, в сумбурном тексте комментария одного из суперактивных почитателей Владимира Высоцкого, некоего Владимира Корецкого от 10.12.2010 года, на сайте v1.ru/gilded/68.html?p=5 (О проекте - Новая элита – Волгоград), но, учитывая, что статья Марка Цыбульского датируется в Интернете 9.06.2010, то становится понятно, откуда она извлеклась.

Первоначально, знакомясь со статьями Марка Цыбульского, я хотел их проигнорировать, не потому, что они не интересны, а потому, что много возникает вопросов, как по авторам цитируемых высказываний, так и по конкретным датам.

Что касается авторов, то я внёс в текст этой статьи некоторые по ним справки, но что касается всего остального, то не знаю теперь чему можно верить и вообще без вразумительных разъяснений самого Марка Цыбульского, лучше принимать его статьи к сведению, чем на них ссылаться, как на надёжный источник.

...И в этих-то условиях становиться диссидентом?! Ради народа, который «всё одобряет?» Нет уж, увольте, себе дороже. А разницу между «двумя мирами – двумя системами» Высоцкий знал по опыту – за границей бывал часто, гораздо чаще Галича, который до эмиграции, насколько мне известно, был за рубежом лишь однажды.

Кстати, скажем и об этом. Среди поклонников Галича до сих пор бытует мнение, что уехать в эмиграцию его заставили не фигурально, а буквально: вызвали «куда надо» и предложили на выбор – далеко на Запад, или далеко на восток.

Увы, приходится разрушить легенду – не в осуждение покойному поэту, а попросту правды ради. Откроем газету «Нью-Йорк Таймс» от 18 июня 1974 года:

«Александр Галич, советский песенник и поэт, сказал сегодня, что ему разрешено эмигрировать в Израиль... В прошлом году в январе господину Галичу было отказано в просьбе посетить родственников в Соединённых Штатах, очевидно, по идеологическим соображениям».

Вот так обстояло дело – просился за рубеж, но отпустили не сразу.

При этом Марк Цыбульский уточняет:

- наверное, не надо объяснять, что речь шла не о посещении вряд ли существующих американских родственников, а об эмиграции.

А потом отпустили, решив, что за рубежом Галич будет менее опасен. И не просчитались – за три года вне России Галич написал немного. То ли ненавидеть на расстоянии оказалось труднее, то ли дело в том, что ненависть оказалась западной публикой неустойчивой.

М.Шемякин рассказал мне о трёх концертах Галича в Париже:

- На первом был полный зал. На втором половина мест пустовала. А на третьем зал был заполнен едва ли на четверть.

Можно обижаться на невнимание французской публики к проблеме прав человека в СССР, можно целыми кусками цитировать максимовскую «Сагу о носорогах». Факт, однако, остаётся фактом – Галич на Западе не был интересен.

Было три концерта в Париже и у Высоцкого. И было на них всё с точностью до наоборот.

«В первый день у меня вдруг оказалось 350 человек, на что никто не рассчитывал, – рассказывал сам Высоцкий в интервью. – На второй день у меня было человек пятьсот, а в третий! Короче говоря, мы не пустили то же количество людей, которое было в зале».

И это, наверное, справедливо. Потому что читателя и слушателя – будь он француз, американец или грек – интересует не борьба (неважно, – с Советской властью или чилийской хунтой), а поэзия.

Кстати, первый концерт Высоцкого в Париже состоялся 15 декабря 1977 года, в день смерти Галича. Как вспоминает Шемякин, Высоцкому на сцену прислали записку с сообщением об этой смерти и попросили сказать несколько слов о покойном. Высоцкий на записку не ответил...».

В своей статье Марк Цыбульский, возвысил Владимира Высоцкого над Александром Галичем в части изящества в стихосложении, на примере выступлений, каждого из них в Париже, основываясь на посещаемости их сольных концертов. Что сказать, странный был выбран критерий, даже какой-то сомнительный, без указания «площадок» проведения концертов и социального состава публики, стоимости билетов и главное спонсоров, так как на Западе принято считать деньги и там стоимость билета была не как в Советском Союзе -1 рубль с чем-то, на самое дешёвое место.

Тогда у нас, каждый мог, правда, теоретически, если бы не умер в очереди в кассу, ходить по несколько раз на один и тот же спектакль и сольный концерт своего любимого артиста.

И всё-таки это не так принципиально, как утверждение, что Владимир Высоцкий не стал диссидентом, потому, что считал, что нечего «выкаблучиваться», как Александр Галич перед народом, который всё, что происходит в стране «приветствует вроде и вроде бы всё одобряет».

Правда, где увидел, в каком тексте известной незаконченной песни Владимира Высоцкого, такие им сказанные или спетые слова, Марк Цыбульский посчитал, что нам знать необязательно, народ в России доверчивый, и главное наверно подумал, что у нас тут, по-прежнему, во всё, что сказано за «бугром» или из-за бугра, ещё верят.

Можно всё, что угодно, говорить о Владимире Высоцком, но то, что он так пренебрежительно относился к народу вообще, такого ещё никто себе не позволил. Наивно считать, что народ такое отношение к себе не заметил бы сразу. И именно за его действительно доброе отношение ко всем людям, его и стали считать и считают до сих пор народным артистом, не смотря на то, что Владимир Высоцкий не был официально признанным поэтом и композитором.

В статье Марка Цыбульского «Владимир Высоцкий и Булат Окуджава» сказано, тоже много из того, о чём я буду говорить сам в соответствующей главе о самостоятельной и авторской песне. Мне даже стало очень приятно, что Марк Цыбульский также отметил именно тех авторов-исполнителей, которые мне нравились в юности, хотя я и не отношу себя только к их почитателям. У них, как и у «других» авторов-исполнителей есть песни, которые никогда бы не написал Владимир Высоцкий, но это одна-две-три популярные в народе песни и их не поставишь на одну чашу весов с тем, что было создано самым известным бардом Страны Советов. Послушаем теперь, что говорит обо всём этом, и в частности о Булате Окуджаве, Марк Цыбульский:

«...Ни чуть не умаляя значения таких авторов, как Ю.Визбор, А.Городницкий, Ю.Кукин и других (у них были и есть горячие почитатели), выскажем своё суждение. Авторская песня никогда бы не состоялась, как явление, если бы не два человека – Булат Окуджава и Владимир Высоцкий. Не было бы без них авторской песни в том виде, как мы её понимаем, даже если бы магнитофоны давали в нагрузку к «Беломору».

До Окуджавы авторская песня в основном была описательной, представляла собой рифмованные впечатления, редко поднимаясь до высот истинной поэзии.

Вспомним: горы у Визбора, тайга у Кукина, экзотические страны у Городницкого. Не станем спорить, многие из этих песен по-своему хороши, но, всё же, говоря словами Высоцкого, это - песни зарисовки, в которых не было второго плана. Поэзия в истинном смысле этого слова пришла в авторскую песню лишь с появлением Булата Окуджавы...» («Планета Владимира Высоцкого», М., 2008, стр. 55).

На что следует обратить особое внимание в этих претендующих на истину в первой инстанции высказываниях Марка Цыбульского, во-первых, на слово «мы» и, во-вторых, на словосочетания, - «выскажем своё суждение» и как «мы понимает», авторскую песню.

Кто это такие, «мы»? Это не мы с вами, дорогой читатель, а Марк Цыбульский с Леонидом Фурманом, с кем он в соавторстве написал статью о Булате Окуджаве. Правда, своего товарища по перу, он упомянул только в сноске, на которую мало кто обращает внимание. Но, рассуждая в том же ключе, кто и какие воспроизводил в своих песнях «рифмованные впечатления», то и об Окуджаве, и о Высоцком можно сказать, что они в начале своей творческой «карьеры», передавали атмосферу прокуренных насквозь комнат или кухонь с рефлексующими по сытой жизни за бугром интеллигентов-полуинтеллектуалов. Или говоря более понятным языком, - «работали» в жанре городского романса, с облагорожено-блатной манерой исполнения.

А что касается полного бреда о втором плане песен этих авторов-исполнителей, то эта свойственная всем «обрусевшим» евреям черта, во всём видеть подоплёку или скрытый политический смысл, даже в полном андерграундном говне, умудряясь даже там увидеть, в качестве протеста тоталитарному режиму в СССР, квадратную чёрную жопу внутри чёрного квадрата Малевича.

Но вернёмся к статье «Цыбульского с Фурманом» и прислушаемся к их вкрадчивому шёпоту, под тихую убаюкивающую музыку специально подобранных для этого цитат из различных источников, на которые они там будут ссылаться:

...Высоцкий познакомился с песнями Окуджавы, очевидно, в начале 1960-х годов. Во всяком случае, сам он сказал об этом так:

"Вскоре после окончания студии Художественного театра - молодым ещё человеком - я услышал пение Окуджавы, по-моему, это было в Ленинграде во время съёмок.

Как уточняют авторы статьи: Если Высоцкого не подвела память, то значит, Окуджаву он услышал осенью 1961 года, когда снимался в ленфильмовской картине «713-й просит посадку».

Его песни произвели на меня удивительное впечатление не только своим содержанием, которое прекрасно, но и тем, что, оказывается, можно в такой вот манере излагать стихи.

Меня поразило, насколько сильнее воздействие его стихов на слушателей, когда он читает их под гитару». (*«Четыре четверти пути»*, М., 1988 г., стр. 112).

Литературная судьба Высоцкого могла сложиться иначе. Так полагал и Окуджава. Отвечая однажды на вопрос журналиста, принимает ли он упреки в том, что он, как и многие другие известные поэты, не поддержали Высоцкого, он ответил так:

«Положа руку на сердце, вопрос не так прост, как кажется. Если бы всё не упиралось в питьё, может быть, у Высоцкого и иначе сложилась судьба. Он уже был известным актёром, постепенно отношение к нему менялось. Появились поездки во Францию, Америку. Вроде бы всё стало налаживаться. Он и жил бы дольше, если бы не питьё... Конечно, не только питьё - причина того, что с ним произошло, но и оно тоже...». (*Булат Окуджава, «Ещё в литавры рано бить...»*, газета «Правда», от 23 сентября 1988 года, стр. 4; беседу вёл Е.Дворников).

Может быть, кого-то покоропят эти слова, но Окуджава имел на них право. С Высоцким его связывала долгая дружба, огромное взаимное уважение. Об Окуджаве Высоцкий часто говорил на своих выступлениях и всегда - только доброе:

«Я отношусь, к нему с большим уважением, просто я его люблю - и стихи его, и как он это делает, - и вообще как личность, - это само собой. Он мой духовный отец и в этом смысле остаётся для меня самым светлым...» (*«Четыре четверти пути»*, Москва, 1988 г., стр.113).

О взаимоотношениях Окуджавы и Высоцкого не написано и не сказано почти ничего. Пожалуй, лишь Б.Мессерер заметил однажды:

«Это была истинная дружба и уважение. Они замечательно общались, совершенно на контрастах. Потому что Булат пел так сдержанно, как бы нехотя, а Володя пел с огромным запалом, со щедростью, с напором. Тут ещё поколения разные. Но Володя очень любил Булата. И вот мы много раз, и у нас, и у Володи дома встречались с Булатом» (*фонограмма выступления в Ленинградском ДК имени Ленина, 30 января 1984 года*).

Естественно, что о дружбе с Высоцким больше всего рассказывал сам Окуджава. Говорил он об этом, как по собственной инициативе, так и откликаясь на многочисленные вопросы журналистов и зрителей:

«С Высоцким мы познакомились очень давно. По-моему, он только-только начинал петь. Сначала между нами были приятельские отношения. Вскоре они переросли в дружбу, несмотря на нашу разницу в темпераментах. Дружба была несколько своеобразной, мы встречались редко, всегда окружённые людьми, но и всегда находили возможность с удовольствием пообщаться.

Многие считают Володю моим учеником. Возможно, какое-то влияние на него моя поэзия и оказала. Но по этому поводу я всегда говорю:

«Даже если бы Окуджавы вообще не существовало, Высоцкий всё равно стал бы тем, кем он был, потому что никогда не подражал, а творил» (*Булат Окуджава «Между войной и тишиной», беседа вёл М.Захарчук в журнале «Советский воин», 1990 г., №10, май, стр.82*).

«С Володей Высоцким мы дружили, но дружба у нас носила несколько своеобразный характер. Потому что, во-первых, мы были людьми разных поколений и разных темпераментов. Он был человеком очень общительным, компанейским, всегда окружённым большим числом поклонников и почитателей. Я - вообще домосед, человек, склонный к одиночеству.

Но мы встречались. Не часто, но встречались и очень любовно друг к другу относились. Теперь об этом трудно говорить, потому что сейчас, после его трагической гибели, появилось очень много его «друзей». Некоторые даже за деньги читают лекции о нём. Бывает и такое.

Человек был яркий, одарённый. И это большая потеря. К сожалению, как это бывает у нас, с опозданием начинают разворачивать клубок таланта. Делаем много глупостей, торопимся. Но я думаю, предстоит ещё сказать о нём серьёзные слова - к сожалению, после гибели» (*фонограмма творческого вечера Булата Окуджавы в Ленинградском клубе «Восток», 2 апреля 1985 года*).

Окуджава был из тех, кто говорил именно «серьёзные слова». Во времена настоящей истерии вокруг имени Высоцкого, когда, по выражению Валерия Золотухина, у Пушкина было позволительно найти слабые строки, а у Высоцкого - нет, Окуджава откровенно сказал то, что думал:

«Высоцкий начал складываться как художник только перед смертью. До этого он, откровенно говоря, много писал вещей проходных. У него были интересные мысли, естественные, некнижные чувства выплескивались из него, но в целом, как явление литературного ряда часто стихи были довольно уязвимы. Если бы не личность, которая буквально «пёрла» из него, то вряд ли он стал бы так заметен» (*Булат Окуджава «Ещё в литавры рано бить...», газета «Правда» от 23 сентября 1988 года, стр.4*).

Такая откровенность - ценность необычайная, поскольку позволяет отбросить ненужные восклицательные знаки и увидеть явление таким, каким оно было на самом деле. Возьмём, например, выступление советских поэтов в Париже 26 октября 1977 года.

Со времён предисловия Роберта Рождественского к первому изданию книги «Нерв» в сознании публики укоренилось представление, что *тогда* то выступление стало огромным событием культурной жизни Парижа.

Окуджава спускает нас с небес на землю:

«В Париже встретили Высоцкого. Предложили ему выступить с нами. Он согласился. Мы выступили. Никто никого не «потряс». Просто нас хорошо принимали. Меня и Высоцкого принимали немного лучше, чем остальных, благодаря гитаре. И я, и он свои стихи пели» (*Из письма от 12 декабря 1985 года Бориса Окуджавы к Леониду Фурману*).

Не следует, однако, думать, что Окуджава принижал значение поэзии Высоцкого. Напротив, он высоко её ценил, ажиотаж же вокруг имени Высоцкого был ему неприятен.

В литературе, как и в политике, культ - штука нехорошая. Как писал сам Окуджава:

«Всеобщая любовь - критерий подозрительный. Люди, воспитанные на пустой, бездумной развлекательности, поэзии Высоцкого не примут; не умеющие самостоятельно мыслить, его сарказма не оценят; равнодушные ко всему, кроме личных проблем, - тревоги и боли его не поймут. Для них его поэзия - в лучшем случае - пустое место, в худшем - как красная тряпка быку.

«Настоящего поэта всегда сопровождают не только почитатели, но и отрицатели, не только ценители, но и хулители и даже гонители. У поэзии Владимира Высоцкого и того, и другого вдоволь, и это, наверное, один из главных признаков её истинности и высоты» (*Борис Окуджава «Голос поэта», журнал «Новое время», Москва, № 5, от 30 января 1987 года, стр.31*).

Прошли годы. Тридцать лет нет с нами Владимира Высоцкого, летом 1997 года умер Булат Окуджава. А стихи их остались. Так рассудило Время, о котором Булат Окуджава сказал так:

«Покуда мы живы, нам следует заниматься своим делом без суетного интереса к собственным успехам.

Не нам, а Времени судить, кто есть кто. Нельзя подниматься по ступеням искусства, одновременно считая, сколько ступеней пройдено.

Истинные художники поднимаются, не считая, ибо им дано понимать, что главное, как раз *там*, и начинается, когда подъём завершён, то есть, *когда должно начаться* парение. А это уже область, не выражаемая словами» (*«Планета Владимир Высоцкий», М., 2008, стр.60-63*).

Фрагменты из книги Марка Цыбульского «Планета Владимир Высоцкий» приведены автором статьи с незначительными правками в тексте в части указания источников приведённых цитат и с его редактированием, для вставки в некоторые предложения явно пропущенных слов, отмеченных курсивом.

Как отмечает Марк Цыбульский, цитируя Владимира Высоцкого, он считал его своим духовным отцом, а что касается Александра Галича, то очень ревностно относился к его творчеству, по крайней мере, это было заметно окружающим, если его в чём-то сравнивали с ним.

В книге «Нет нам хода назад» (М., АО «Полигран», 1991, стр.53-57) о творчестве 33 московских бардов, статью об Александре Галиче написал поэт Евгений Евтушенко. Я сначала хотел использовать некоторые выдержки из этой статьи, но неожиданно обнаружил, почти аналогичную статью Евгения Евтушенко под названием «Нашедший себя в себе» в газете «Новые известия» от 11 июля 2008 года (на сайте <http://www.newizv.ru/culture/2008-07-11/93691-nashedshij-sebja-v-sebe.html>). Поэтому я решил, объединить оба текста, приняв за основной статью 1991 года, выделив изменения и дополнения из статьи 2008 года курсивом, а затем уже дать свой комментарий.

Опубликованная в книге статья Евгения Евтушенко об Александре Галиче, первоначально напечатанная в газете «Неделя» (№18, за 1988 год, стр.16), которую можно прочитать на сайте http://www.bards.ru/press/press_show.php?id=605, называлась «Магнитофонная гласность»:

«Гласности приходилось быть разной - в том числе и магнитофонной. Звуковой самиздат значительно превосходил по тиражу рукописный. Когда два молодых сибирских писателя - В.Распутин и А.Вампилов - познакомились при помощи вдовы Андрея Платонова с рукописными «Чевенгуром» и «Котлованом», это не могло не сказаться на их последующем духовном формировании.

Но сколько человек прочитало эти два романа до их публикации? Не думаю, что больше нескольких сотен. Тиражи магнитофонных любительских записей тоже никто не подсчитывал, но думаю, что в шестидесятых было не менее миллиона плёнок с песнями Окуджавы. Это, конечно, уступает сегодняшнему многомиллионному распространению Высоцкого, но и техника тогда была другая.

Многие почитатели Высоцкого даже не подозревают, что у их кумира был прямой предшественник - Александр Галич.

Популярность Галича была, правда, более суженной - его знали больше в кругах интеллигенции, но думаю, что не менее полумиллиона плёнок с его песнями бродило по домам.

В отличие от Окуджавы и Высоцкого, у песен Галича никогда не было ни малейшего «официального» выхода к слушателям, хотя, как ни парадоксально, его судьба первоначально складывалась вполне комфортабельно.

Александр Аркадьевич Галич родился 19 октября 1918 года. Его юношеские стихи были одобрены Багрицким. Учился в школе-студии МХАТа, сохранился снимок, где юный Галич, скромно стоя у стены, смотрит на Станиславского. Во время войны Галич работал во фронтовом театре. Этот театр, которым руководил Плучек, выступал перед бойцами с концертами и спектаклями вплоть до последних дней войны.

Галичу приходилось быть и автором интермедий, и актёром. После войны он становится профессиональным драматургом и сценаристом - особенно популярны были его пьеса «Вас вызывает Таймыр» и фильм «Верные друзья».

По тогдашним стандартам Галич был богатым человеком, вхожим в так называемую московскую «элиту». Он был неотразимо красив, поигрывал бархатно воркующим голосом, одевался с некоторой артистической броскостью, но с неизменной тщательностью и вкусом.

И вдруг этим бархатным голосом Галич запел под гитару свои горькие, подчас ядовито саркастические песни.

Произошло это, если я не ошибаюсь, после того, как его лучшая пьеса «Матросская тишина», репетировавшаяся, кажется, в театре «Современник», была запрещена.

Я употребляю все эти «кажется» и «если я не ошибаюсь» потому, что после стольких перемен в нашей жизни, то время запретительства и давящего удушающего контроля, представляется чем-то гротесково-кошмарным, из совершенно иной эпохи.

Словом, личного повода диссидентствовать вроде и не было. Но вдруг его лучшая пьеса «Матросская тишина», которую в «Современнике» довели до генеральной репетиции, была запрещена, да и самый воздух в искусстве становился всё удушливее.

И в начале шестидесятых Галич взял в руки гитару и, научившись играть за месяц, стал сочинять песни и ходить с ними по «квартирным концертам». Наконец-то он вырвался к роли самого себя.

Стоило Галичу запеть, то есть стоило ему позволить себе быть самим собой, как из преуспевающего, вполне приемлемого бюрократией «драмодела» он превратился в нежелательную личность.

Галич был одним из тех людей, которые всем сердцем поверили, что с Двадцатого съезда партии начинается новая эра – эра совести, эра гласности.

Когда «оттепель» была подморожена, такие люди уже не могли жить по-прежнему, в отличие от оппортунистов, ловко изгибавшихся «вместе с генеральной линией», как гласит одна грустная шутка. Совесть опять становилась ненужной, а вместе с ней – и её обладатели.

Когда «оттепель» подморозило, такие люди уже не смогли жить по-прежнему, в отличие от тех, кто «колебался вместе с линией партии», как гласила грустная тогдашняя шутка.

Совесть опять становилась ненужной властям, а заодно – и ее обладатели. Гласность печатная была полузадушена, но на смену пришла гласность еще более мощная – магнитофонная.

В квартирах, где пел Галич, с его разрешения включали магнитофон, и плёнки с подпольными концертами разлетались по стране.

Я впервые слушал Галича на квартире журналистки Фриды Вигдоровой, бесстрашно записавшей ход суда над Иосифом Бродским, за что он так и не удостоился её поблагодарить.

Иногда Галич пел у себя дома, иногда на квартирах крупных учёных, включая строго засекреченных.

Академик А.Д.Сахаров вспоминал: «В домашней обстановке в Галиче открывались какие-то «дополнительные», скрытые от постороннего взгляда черты его личности, – он становился гораздо мягче, проще, в какие-то моменты казался даже растерянным, несчастным. Но всё время его не покидала свойственная ему благородная эlegantность».

Академик Д.С.Лихачев, послушав Галича, возразил тем, кто упрекал его в озлобленности: «Он не злой был совершенно, Галич был страдающим человеком, он пел тогда «Гуляет охота», потом «Про товарища Парамонову», но это не производило впечатления издёвки над Парамоновой, это была боль за существование таких явлений».

Однако член Политбюро Д.С.Полянский на свадьбе дочери с актером Иваном Дыховичным случайно зашёл в комнату, где молодежь крутила песни Галича, и не постеснялся настучать на собственного зятя. Вскоре в Политбюро состоялся разговор о «безобразно антисоветских песнях» Галича, после чего его исключили из Союза писателей, а затем из Союза кинематографистов.

Одно из первых публичных выступлений Галича перед массовой аудиторией в Новосибирске с антисталинскими песнями привело к тому, что его исключили из Союза писателей.

Все контракты Галича с издателями, с театрами, с киностудиями были разорваны, деньги начали неумолимо таять. Галич оказался в общественной изоляции. Его шельмовали на собраниях, ему угрожали, что если он не перестанет петь, его привлекут к уголовной ответственности.

Единственным публичным выступлением Галича на родине так и остался вечер в новосибирском Академгородке в 1968 году на фестивале песенной поэзии.

Поэта шельмовали на собраниях, ему угрожали уголовным судом. Его медленно, но верно выдавливали из собственной страны, как и других диссидентов.

Началось преследование и тех, кто пытался заступиться за них. Тогда-то и возникло слово «подписант». Одним из постоянных «подписантов» был мой друг еще с литинститутских времен, драматург Михаил Рощин, к несчастью, член партии, куда он был вынужден вступить, работая редактором газеты в Камышине.

Подписанты были героями не меньшими, чем диссиденты, они спасали престиж российской интеллигенции, спасали народную совесть. А нынешние нео-подписанты способны подмахивать лишь казенные «одобрямсы».

Как человек, хорошо его знавший, я могу ручаться, что Галич никогда не планировал своего отъезда на Запад, что его толкнуло на это только полное отчаяние. Практически, он был изгнан. Галич умер в Париже от короткого замыкания в магнитофонной системе, когда он прослушивал свои записи.

Чтобы понять причину трагедии его отъезда, я лишь воскрешу сохранившийся у меня в памяти эпизод, достаточно выразительно рисующий атмосферу тех лет. Одному сравнительно молодому, считавшемуся тогда прогрессивным, литератору предложили руководящий пост в Московской писательской организации. Он приехал ко мне на дачу, чтобы уговорить меня сотрудничать с ним в будущем руководстве. Помявшись, добавил:

- Только вот что, Женя, мне надо твердо знать, будешь ли ты голосовать за исключение «диссидентов?»

- Каких именно? - спросил я. - Ведь все зависит от каждого конкретного случая".

- Ну, какие будут, - опуская глаза, сказал он.

- Но ведь кто-то, может быть, ни в чем не виноват..., - возразил я.

- Есть люди, которые лучше нас с тобой знают, кто виноват, кто нет", - торопливо ответил этот современный Клим Самгин (а может, мальчика-то и не было?).

Таким образом, был исключен и Галич, и некоторые другие, вовсе не заслуживавшие этого люди.

После процесса Синявского и Даниэля в 1966 году «самгинизм» получил зеленый свет в творческих союзах. Бывший либерал, критик Феликс Кузнецов, назначенный начальником московской писательской организации, начал уговаривать меня сотрудничать с ним в будущем руководстве....

По такой методе и был выдавлен из страны Александр Галич, трагически погибший от удара током, когда он попытался воткнуть вилку только что купленной антенны в первое попавшееся гнездо. Его вдова Ньюша сгорела через десять лет от непотушенной сигареты.

Галич с печальной психологической точностью описал, как в этой продаже нравственности принимали участие не только «реакционеры», но и бывшие «прогрессисты»:

Уходят, уходят, уходят друзья.

Одни - в никуда, а другие - в князья...

В осенние дни и в весенние дни,

Как будто в году воскресенья одни...

... Знать бы загодя, кого сторониться,

А кому была улыбка - причастьем!

(вставка пропущенных строк сделана К.Кохановым)

Есть уходят - на последней странице,

Но которые на первых - те чаще...

Году в 1963-м Галич пригласил меня к себе домой и спел примерно двадцать песен в очень узкой компании. Песни меня поразили пронзительной гражданственной афористичностью: «Но поскольку молчание - золото, то и мы, безусловно, старатели»; «Ах, как шаг мы печатали браво, как легко мы прощали долги, позабыв, что движение направо начинается с левой ноги».

Начинавшейся тогда попытке отката с позиций безоговорочного осуждения культа личности на позиции оговорочные, оправдывающие Галич противопоставил собственную безоговорочность. Уже в тот вечер это было совершенно ясно.

Но - достаточно о политике. Все гражданское звучание песен Галича стоило бы гораздо меньше, если бы слова его песен не были написаны так крепко и подчас так элегантно по форме.

Театральный опыт Галича помог ему создать серию сатирических персонажей, от имени которых были написаны песни. В этом сатирическом цикле Галич был прямым учителем В.Высоцкого.

«Облака плывут, облака. Не спеша, плывут, как в кино. А я цыпленка ем табака, я коньячку принял полкило». «И рубают финики лопари, а в Сахаре снега невпроворот. Это гады-физики на пари раскрутили шарик наоборот».

Рифмовка Галича - свежая, четкая. Серия реквиемов, посвященных поэтам, написана в перевоплощательном стиле, воскрешающем их эпоху, а иногда даже почерк.

Обо всем этом еще напишут исследователи. Один из его реквиемов - песня «Ошибка» - меня потрясал и потрясает до сих пор пронзительной гармонией слов, исполнения и сразу запоминающейся мелодией. Это, пожалуй, моя самая любимая песня Галича.

Отходу от безоговорочного осуждения культа личности Галич противопоставил собственную безоговорочность.

Как поэт он оказал огромное влияние на Владимира Высоцкого в создании сатирических персонажей, говорящих на уникальном совковом языке.

Один из шедевров Галича – это реквием «Ошибка», которым он откликнулся на известие об охоте Н.С.Хрущева с Фиделем Кастро в местах боёв Первой мировой (отсюда у погибших кресты) и Великой Отечественной (отсюда нашивки за ранения и контузии)...

В песнях Галича – россыпь афоризмов, которые, вспоминаясь, помогают нам не потерять совесть окончательно.

Приведу только два эпизода из многих наших встреч. Первый: у меня дома в гостях был выдающийся французский шансонье бельгийского происхождения Жак Брель. Я пригласил Булата Окуджаву и Александра Галича, и все втроем они устроили импровизированный концерт друг для друга. Но вот что поразительно: ни один из них не пел собственных песен.

Галич пел старинные романсы, Окуджава - вагонные песни, а Жак Брель - народные фламандские.

Сейчас, конечно, я кусаю локти, что не записал эту ночь на магнитофон - это был уникальный концерт, когда три выдающихся поэта-певца показали друг другу свои корни.

Второй эпизод: близкая мне женщина после тяжелой операции потеряла много крови, и, как сказал мне ее врач, надежд на спасение было мало.

Когда я навел на неё, она попросила, чтобы я привез ей магнитофон и записи песен Галича, которые она очень любила.

Я рассказал об этой просьбе Александру Аркадьевичу, он, ни слова не говоря, положил гитару в чехол, поехал в больницу сам и вместо магнитофона пел для этой женщины примерно час.

После этого случилось чудо - она выжила.

Так вот, когда я читал или слышал на собраниях о якобы «аморальном» Галиче, я всегда вспоминал этот его приезд в больницу.

Магнитофонная гласность была частью борьбы за ту гласность, которая сегодня возвращает нам столько не заслуживающие забвения имена».

Хотя обе статьи Евгения Евтушенко, за исключением рюжизме в первой, заканчивались дословно на чуде совершенном Александром Галичем в больнице, то начало и сам тон обеих статей выдержан на разных уровнях. Первой с оглядкой, как бы, не дай Бог, неправильно бы не поняли: гласность гласностью, а люди-то при гласности прежние, просто пока немного отпустили вожжи. Вторая статья, написанная спустя почти 20 лет, более самоуверенная, без оглядки и оговорок, но уже более осторожная в оценках творчества Александра Галича и его влияния на творчество Владимира Высоцкого. В статье уже указаны конкретные фамилии и новые герои (правда, один из них) «подписант» Михаил Рошин, имевший «несчастье быть членом партии» - это, скорее всего, собирательный тип, таких же «несчастливых в партии» личностей, как бывший директор Театра на Таганке Юрий Любимов.

Обратим теперь внимание на начало второй статьи Евгения Евтушенко «Нашедший себя в себе», опубликованной в газете «Новые известия» от 11 июля 2008 года:

Если на самом деле «Весь мир - театр, а люди в нём - актёры», то, значит, есть люди, которые прекрасно играют самих себя, используя счастливую возможность раскрыться. Однако большинству людей приходится играть роли, навязанные обстоятельствами, и от унижительной раздвоенности всё лучшее в них не раскрывается, а остаётся запечатанным, и не дай Бог, если навсегда.

Так произошло с советским кинорежиссером, чей гениальный фильм «Комиссар» пролежал на полке двадцать лет. Вышвырнутый из кино, он сумел стать успешным концертным администратором, а когда фильм, наконец, прорвался сквозь цензуру и начал триумфальное шествие по экранам, оказался при нём лишь кем-то вроде гида-сопроводителя и не смог вернуться в большое кино. Какая счастливо-несчастливая судьба! (Кстати, брат Александра Галича - кинооператор Валерий Гинзбург – работал на этом фильме).

И сразу становится ясно, почему у Евгения Евтушенко, изменилось отношение к Александру Галичу, как к предшественнику и учителю Владимира Высоцкого. Потому что, не получилось у Александра Галича триумфального шествия по стране его песен с приходом гласности и одновременно с этим, начавшегося расслоения советского общества на бедных и богатых. На тех, кто рядом с властью, и на тех, кто, как и был, так и остался на самом дне свободной жизни, после начала демократических преобразований, начиная с перестройки до наших дней.

Не удивительно, что от таких демократических преобразований, теми же личностями, которых презирал Александр Галич, сам Евгений Евтушенко, вслед за сыном отца «оттепели» Н.С.Хрущёва, перебрался подальше от России на постоянное жительство в США. Зато сейчас, среди тех, кто заседает в обеих палатах Государственной Думы, с трудом найдешь тех, кто скажет, что ему не нравится Владимир Высоцкий – и, тем более, что согласится с тем, что он был «учеником» Александра Галича. Скорее всего, и сам Евгений Евтушенко теперь сожалеет, что сказав такое, так «погорячился», тогда в том таком уже в далёком 1988 году.

В воспоминаниях, датированных 1989 годом, писателя Юрия Марковича Нагибина (3 апреля 1920, Москва -17 июня 1994, Москва), долгое время бывшего в близких дружеских отношениях с Александром Галичем, которые были опубликованы в книге «Александр Галич – генеральная репетиция» (М., Советский писатель», 1991, стр. 488-538), есть тоже многое, чем «грешит» и Евгений Евтушенко.

По крайней мере, Юрий Нагибин пишет, что ему больше нравился Булат Окуджава, а значение песен Александра Галича он стал «понимать» только в последние годы своей жизни:

«...Когда Владимира Войновича, недавно (в 1989 году) гостившего в Москве, спросили на телевидении тоном жёсткого утверждения: вы, конечно, любите Галича? - он, отвечавший до этого тоже жёстко и решительно до агрессивности, вдруг смутился и промямлил, что любил, «как и все мы тогда», Окуджаву... Но да... конечно, он хорошо относится и к Галичу...

Отвлекусь на вдруг мелькнувшую мысль: почему можно любить Толстого и Достоевского, Чехова и Бунина, Мандельштама и Пастернака, Леонардо и Рафаэля, Пруста и Джойса, но нельзя любить Козловского, если любишь Лемешева, Доминго, если любишь Паваротти, Тибальди, если любишь Каллас. Исключения бывают, но крайне редко. Может быть, пение действует на какие-то ментальные или чувственные центры, что исключает совместительство, как истинная любовь-страсть?

Я, как и Войнович, пусть он моложе меня, человек эпохи Окуджавы. Моя любовь к нему не уменьшилась и сейчас, хотя я стал куда восприимчивей и открытее другому пению. В том числе песням Галича, слушаю их с огромным удовольствием.

Кажется, я могу объяснить, в чем тут дело. Недавно мне дали прочесть рукопись мемуарной книги одного умного и одарённого журналиста-учёного (надеюсь, рукопись эта станет книгой), где он пишет о своей потрясенности Галичем в те самые годы, о которых речь идёт у меня.

Человек шестидесяти годов, он говорит, что любил Окуджаву, но явился Галич и отнял эту любовь. Ибо Булат Окуджава, при всём его таланте и обаянии, выражается символами, порой не до конца ясными (чёрный кот, который в усы усмешку прячет), а Галич всё называет впрямую, своими именами. Его гражданское чувство, мол, куда сильнее и действеннее.

Это не локальная проблема: Окуджава-Галич. Когда вышел фильм «Покаяние», его многие не приняли за иносказательность, «замаскированность» героя. Надо было делать фильм впрямую о Сталине, а не размыывать образ: то ли Сталин, то ли Берия, то ли какой-то диктатор местного масштаба. Но громадность этого фильма как раз в том, что он даёт вселенский, на все времена образ деспотизма: от древних царств и Рима до наших дней, а не размывается на конкретику частных судеб и характеров.

Первый фильм о пережитом апокалипсисе мог быть только таким. Трагический фильм впрямую о Сталине вообще невозможен, потому что, превращая жизнь в трагедию, сам Сталин не был фигурой трагической. Низкорослый, рябой, сухорукий, косноязычный дворцовый интриган с примитивным мышлением и отсутствием душевной жизни - отсюда его ошеломляющее и часто необъяснимое кровоедство - не Макбет и даже не Ричард III - у него не могло быть такого взлёта, как у горбатого хромца, оболотившего венценосную вдову над могилой убитого им мужа.

И о Гитлере не может быть трагического произведения, он тянет разве что на сатиру в духе чаплинского «Великого диктатора».

Сталин - страшная, но пошлая фигура. Художественное чутьё Абуладзе подсказало ему единственно верное решение. Он создал могучий символ, а не бытовую, пусть и «украшенную» всеми пороками фигуру.

Для меня - и не только для меня - песни Окуджавы больше сказали о проклятом времени загадочной песней про чёрного кота, чем предметные и прямолинейные разоблачения Галича.

Но дело не только в этом, и даже вовсе не в этом. Окуджава разорвал великое безмолвие, в котором маялись наши души при всей щедрой радиоозвученности тусклых дней; нам открылось, что в глухом, дрожащем существовании выжили и нежность, и волнение встреч, что не оставили нас три сестры милосердных - молчаливые Вера, Надежда, Любовь, что уличная жизнь исполнена поэзии, не исчезло чудо, что мы остались людьми.

Окуджава открывал нам нас самих, возвращал полное чувство жизни, помогал преодолению прошлого всего, целиком, а не в омерзительных частностях. И для людей, несших на себя клеймо этого прошлого, его часто печальные, но не злые песни были значительней разоблачений и сарказмов Галича. А вот уже другому поколению, не знавшему наших мук и душ пропажу, конкретика песен Галича была привлекательней.

Для меня песни Галича зазвучали по-настоящему года три-четыре назад. Казалось бы, то, о чем он поёт, отодвинулось, утратило остроту, - ничуть не бывало. За минувшие годы мы не только не залечили ни одной болячки, не разрешили ни одного мучительного вопроса, не приблизились к чему-то лучшему, если исключить право (весьма лимитированное) кричать о наших муках, физической и моральной нищете и униженности, но довели все до последнего предела.

И Сашины сарказмы ничуть не пожухли, напротив, выострились. Теперь пришло время называть всё своими словами, прямо в лоб.

Покров тайны сорван с действительности, не надо играть ни в какие символические игры, нужны конкретные имена, точные обстоятельства преступлений.

Сашины песни переживают второе рождение, став, как никогда, нужными расхотевшему терпеть народу («Александр Галич - генеральная репетиция», М., 1991, стр. 537-538).

Читая воспоминания Юрия Нагибина, озаглавленные «О Галиче – что помнится», с которыми можно полностью ознакомиться на сайте http://www.fidel-kastro.ru/nagibin/nagibin_dnevnik_1.htm, представляешь перед собой человека с мелко трясущимися руками, который стремится успеть рассказать многое из того что знает и помнит и в то же время, не знаящего, как это сделать. Поэтому путаность рассуждений, обилие мелких пикантных деталей, как упоминание о наркотиках, к которым пристрастился его друг, но при этом забывая сказать, когда он с ними и с чьей помощью завязал, так и о связях его с женщинами и не простых отношений с женой Анжелиной Николаевной Шекрот (Прохоровой), которую Юрий Нагибин хорошо знал, до её знакомства с Александром Галичем.

Постоянно подчёркивание Юрием Нагибиным своей любви к творчеству Булату Окуджава по всему видно сводится к тому, чтобы преуменьшить страх, перед тем, что его могут «повязать» вместе с другом, даже за то, что он «восхищается» его песнями.

Понятно, что дружба так долго не могла продолжаться, но и как она окончательно оборвалась, нам трудно догадаться, хотя есть в воспоминаниях Юрия Нагибина, один эпизод, когда он действительно испугался. Тогда он так громко восхитился песней Булата Окуджава, что об этом могли услышать на всех вышерасположенных этажах, той «злополучной» для Юрия Нагибина квартиры, где проходил организованный её хозяйкой, «концерт» Александра Галича:

«...Наконец дом для песни был отыскан. Окуджава - это было в его стиле - сказал, что петь не будет, но с удовольствием послушает Сашу. Гитару, тем не менее, он с собой прихватил.

Мы приехали в типично петербургскую старую квартиру с высоченными тёмными от копоти потолками, кафельными печами и останками гарнитура красного дерева. Старинные гравюры с мачтами и парусами угрюмились на стенах.

Но тридцатилетняя хозяйка была вполне из нашего времени, даже несколько впереди, она исходила агрессивным задором, сленгом и никотином. И всё время что-то потягивала из стакана. Нам всем поднесли выпить и сразу расчехлили Сашину гитару с загнутым грифом.

Саша пел очень много, как всегда, не ломаясь, на всю железку. Тут были песни из «золотого фонда»: о том, как «молчальники выходят в начальники, потому что молчание золото», о суперноменклатурном зяте, растоптавшем чужую жизнь, о том, что «любое движение вправо начинается с левой ноги», о могилах сталинских лагерей, перед которыми «премьеры» не преклоняют колен, о Егоре Петровиче, которого руководящие указания поднимают со смертного ложа, о народном Демосфене Климе Петровиче, выступающем на митинге от лица советской матери.

После каждой песни Сашина поклонница и хозяйка дома обводили слушающих восторженно-свиристым взглядом: мол, попробуй скажи, что тебе не нравится. Но это никому и в голову не приходило. Всем нравилось, все любили Сашу и восхищались им.

Я тоже восхищался, не пытаюсь ничего оценивать, Сашиной смелостью, едким сарказмом и болью за униженных и оскорбленных.

Быть может, всё обошлось бы, но Булат дал себя уговорить спеть. Больше всего старался в своем неизменном благородстве Саша. Ему Булат не мог отказать. И вот уже последний троллейбус плывёт над Москвой, верша по бульварам кружение...

Сознание не участвовало в том вздохе - стоне души, который вырвался из меня, едва замолк голос певца.

- Боже мой, как хорошо!..

- А вы не кричите! - перекосив лицо ненавистью, заорала хозяйка дома. - За стеной люди спят!..

- Нет элементарного такта, - свистящим шипом кобры поддержала Сашина поклонница. - В чужом доме!.. Какое хамство!..

Это было так дико по невоспитанности, злобе и несправедливости: и Булат, и особенно Саша рождали куда больше шума, никого не тревожившего за толстыми ленинградскими стенами, - что я растерялся, съёжился и не нашёл ответа.

Мне казалось, что Саша должен осадить их, но он промолчал. Видимо, окончательно понял, по моему невольному проговору, что его муза мне чужда. И, как говорится, умыл руки. Больше он

никогда не пел в моём присутствии» («Александр Галич - генеральная репетиция», М., 1991, стр. 535-536).

Конечно, когда человек «восхищался, не пытаясь ничего оценивать», в том, о чём тогда Александр Галич спел и причём, спел очень много, «как всегда, не ломаясь, на всю железку», а потом, выслушав всего одну песню их общего друга, завопил: «Боже мой, как хорошо!..», словно обрадовавшись, насколько ему было до лампочки всё, что он перед этим услышал, и при этом не понял, за что его обозвали хамом, говорит о многом. Хотя бы даже о том, что многие ещё до сих пор не поняли, что тогда представлял собой писатель Юрий Нагибин, по классификации Евгения Евтушенко, был «подписантом» или уже тогда законченным «одобрямсом», как и Булат Окуджава.

Говорить, что у Владимира Высоцкого в «его жанре исполнения авторских песен» были предшественники (как и учителя), конечно не совсем корректно, но всё-таки следует, хотя бы для того, чтобы сопоставить его творчество, с творчеством ещё двух, не менее известных, бардов – Булата Окуджавы и Александра Галича.

Стоит снова отметить, что их скандальная популярность гремела ещё до того, как взошла звезда Владимира Высоцкого, которая, взорвавшись и превратившись в сверхновое гигантское образование, затмило на относительно короткий период свет многих не менее ярких в то время небесных светил, на небосклоне песенного самостоятельного исполнительского искусства.

Трудность подобного сопоставления, или относительного анализа творчества, не похожих друг на друга авторов-исполнителей своих песен, можно преодолеть только на пути рассмотрения одинаково ими затронутых тем, в части развития сюжета и достигаемого при этом эмоционального воздействия на слушателей, в плане сочувствия или сопереживания, одобрения или полного безразличия, насмешки или осуждения.

Мной взяты три темы: «переселение душ», обратная сторона веселья (похмелье) и память о последней Великой Отечественной войне 1941-1945 годов или сама «война».

Переселение душ

Булат Окуджава «Старинная солдатская песня»

Отшумели песни нашего полка,
отзвенели звонкие копыта.
Пулями пробито днище котелка,
маркитантка юная убита.

Нас осталось мало: мы да наша боль.
Нас немного, и врагов немного.
Живы мы покуда, фронтовая голь,
а погибнем - райская дорога.

Руки на затворе, голова в тоске,
а душа уже взлетела вроде.
Для чего мы пишем кровью на песке?
Наши письма не нужны природе.

Спите себе, братцы, - всё придёт опять:
новые родятся командиры,
новые солдаты будут получать
вечные казенные квартиры.

Спите себе, братцы, - всё начнётся вновь,
все должно в природе повториться:
и слова, и пули, и любовь, и кровь...
времени не будет помириться. (1973)

Основная мысль или мораль: «Всё должно в природе повториться», ничего не изменится, и света в конце тоннеля всё равно не будет. Весёленькая перспектива, которая если может понравиться, то только одному меланхолику, для всеобщего одобрения и для гимна жизни явно не подходит.

Александр Галич «Переселение душ»

Не хочу посмертных антраша,
Никаких красивостей не выберу.
Пусть моя нетленная душа
Подлецу достанется и шиберу!

Пусть он, сволочь, врёт и предаёт,
Пусть он ходит, ворон, в перьях сокола.
Все на свете пули - в недолёт,
Все невзгоды - не к нему, а около!

Хорошо ему у пирога,
Все полно приязни и приятельства -
И номенклатурные блага,
И номенклатурные предательства!

С каждым днём любезнее житьё,
Но в минуту самую внезапную
Пусть ему - отчаянье моё
Сдавит сучье горло чёрной лапою! (1971)

А это вообще выглядит, как мрачное предсказание своего перевоплощения, и надо же додуматься до такого - «в подлеца или в шибера». И для чего? Чтобы прожить с ним ещё одну жизнь и задушить себя (в лице подлеца или шибера), в какую-то внезапную для него минуту, и можно догадаться, что она может наступить только перед арестом, привлечением к суду или перед исполнением смертного приговора, т. е. представлять собой самоубийство из-за трусости.

Подобное переселение души вообще не может вызвать никакого энтузиазма даже у человека с большим воображением, ввиду сомнительного результата, не говоря уже о поставленной цели прожить следующую жизнь в более низком для себя качестве, словно назло самому себе.

Владимир Высоцкий «Песенка о переселении душ»

Кто верит в Магомета, кто - в Аллаха, кто - в Иисуса,
Кто ни во что не верит - даже в чёрта, назло всем,-
Хорошую религию придумали индусы:
Что мы, отдав концы, не умираем насовсем.

Стремилась ввысь душа твоя -
Родишься вновь с мечтою,
Но если жил ты как свинья -
Останешься свиньёю.

Пусть косо смотрят на тебя - привыкли к укоризне, -
Досадно - что ж, родишься вновь, на колкости горазд.
И если видел смерть врага ещё при этой жизни,
В другой тебе дарован будет верный зоркий глаз.

Живи себе нормальненько -
Есть повод веселиться:
Ведь, может быть, в начальника
Душа твоя вселится.

Пускай живёшь ты дворником - родишься вновь прорабом,
А после из прораба до министра дорастёшь,-
Но, если туп, как дерево - родишься баобабом
И будешь баобабом тыщу лет, пока померёшь.

Досадно попугаем жить,
Гадюкой с длинным веком,-
Не лучше ли при жизни быть
Приличным человеком?

Так кто есть кто, так кто был кем? - мы никогда не знаем.
С ума сошли генетики от ген и хромосом.
Быть может, тот облезлый кот - был раньше негодяем,
А этот милый человек - был раньше добрым псом.

Я от восторга прыгаю,
Я обхожу искусства,-
Удобную религию
Придумали индусы! (1969)

Если рассматривать теперь песню Владимира Высоцкого, прослушав уже две предыдущие песни, то с последним аккордом и словом, содержание песен Окуджавы и Галича, сразу же выветрится из головы. Останется только хорошее настроение от песни Владимира Высоцкого, вне зависимости от того, к каким социальным слоям относился слушатель и с какими симпатиями, он пришёл бы на этот импровизированный концерт с участием трёх известных бардов.

Обратная сторона веселья (после пьянки или выпивки)

Булат Окуджава «Николай нальёт...»

С каждым часом мы стареем
От беды и от любви
Хочешь жить, живи скорее
А не хочешь, не живи
Наша жизнь - ромашка в поле
Пока ветер не сорвет
Дай бог воли, дай бог воли
Остальное заживёт

Припев:

Николай нальёт, Николай нальёт,
Николай нальёт,
  а Михаил пригубит
А Федот не пьёт, а Федот не пьёт,
А Федот –
  он сам себя погубит...

Кто там пылкий, кто там робкий -
Раскошелимся сполна.
Не жалей, что век короткий
Пожалей, что жизнь одна.
Не для праздного веселья
Нас Фортуна призвала...
Дай Бог лёгкого похмелья
После долгого стола!

Припев:

Николай нальёт, Николай нальёт,
Николай нальёт,
  а Михаил пригубит
А Федот не пьёт, а Федот не пьёт,
А Федот –
  он сам себя погубит...

Бог простит, беда научит,
Да и с жизнью разлучит,
Кто что стоит, то получит,
А не стоит - пусть молчит.
Наша жизнь - ромашка в поле,
Пока ветер не сорвёт
Дай Бог воли, дай Бог воли
Остальное заживёт

Припев:

Николай нальёт, Николай нальёт,
Николай нальёт,
  а Михаил пригубит
А Федот не пьёт, а Федот не пьёт,
А Федот –
  он сам себя погубит... (1979)

«Дай Бог лёгкого похмелья, после долгого стола» - единственная трезвая мысль и её повседневная мораль. Такое знакомое практически всем застолье разных по своему характеру людей вероятно впервые в таком составе собравшихся вместе на свадьбе, на похоронах, на проводах в армию, или на корпоративной вечеринке, оказавшись там по прихоти начальника. Все они, в таких случаях, вынуждены терпеть друг друга за одним столом, поглядывая по сторонам и про себя рассуждая, кто есть кто, перед тем как уткнуться носом в тарелку с салатом или в кусок праздничного торта. И эта песня мало подходит для исполнения со сцены и даже среди близких знакомых – песня, отражающая сугубо личные впечатления, понятные всем, но которые не принято обсуждать публично.

Александр Галич «После вечеринки»

Под утро, когда устанут,
Влюблённость, и грусть, и зависть,
И гости опохмелятся
И выпьют воды со льдом,
Скажет хозяйка - хотите
Послушать старую запись?-
И мой глуховатый голос
Войдёт в незнакомый дом.

И кубики льда в стакане
Звякнут легко и ломко,
И странный узор на скатерти
Начнёт рисовать рука,
И будет звучать гитара,
И будет крутиться плёнка,
И в дальний путь к Абакану
Отправятся облака...

И гость какой-нибудь скажет:
- От шуточек этих зябко,
И автор напрасно думает,
Что сам ему чёрт не брат!
- Ну, что вы, Иван Петрович, -
Ответит ему хозяйка, -

Боятся автору нечего,
Он умер лет сто назад... (1971)

В песне прекрасно передана атмосфера раннего после сталинского периода, когда уже не боялись, «приняв» изрядно за столом, обсуждать проблемы повседневной жизни, рассказывать политические анекдоты, слушать стихи и песни не одобряемых официально авторов, до тех пор, пока все не «отрубятся».

Правда эта эйфория сразу улетучивается утром, когда все окончательно протрезвеют, и в груди шевельнётся, ещё не так далеко спрятанный в её недрах, животный страх, перед возможным доносом, разбирательством и арестом.

Поэтому, когда на трезвую голову, кто-нибудь снова предложит послушать, одобряемые по пьянке песни, то сразу публика разделится на две части. Причём большая часть сразу поспешит, как можно быстрее откланяться, а другая вздохнёт с облегчением, что автор не из их компании или уже давно ушёл, даже в прямом смысле, не оставив после себя никаких улик, в виде самиздатовской литературы и даже гитары.

Понятно, что и эта песня тоже не предназначена для исполнения со сцены и будет принята на бис только в интеллигентной среде, до которой хорошо дойдёт скрытая в простых словах ирония, по поводу наступившей «оттепели», хотя по политическому календарю ещё было очень далеко до окончания последнего зимнего месяца.

Владимир Высоцкий «Антиалкогольная»

Ой, где был я вчера - не найду, хоть убей!
Только помню, что стены - с обоями,
Помню - Клавка была, и подруга при ней, -
Целовался на кухне с обоими.

А наутро я встал -
Мне давай сообщать,
Что хозяйку ругал,
Всех хотел застращать,
Будто голым скакал,
Будто песни орал,
А отец, говорил,
У меня - генерал!

А потом рвал рубаху и бил себя в грудь,
Говорил, будто все меня продали,
И гостям, говорят, не давал продыхнуть -
Донимал их блатными аккордами.

А потом кончил пить -
Потому что устал, -
Начал об пол крушить
Благородный хрусталь,
Лил на стены вино,
А кофейный сервиз,
Растворивши окно,
Взял да выбросил вниз.

И никто мне не мог даже слова сказать.
Но потом потихоньку оправились, -
Навалились гурьбой, стали руки вязать,
А потом уже - все позабавились.

Кто - плевал мне в лицо,
А кто - водку лил в рот,
А какой-то танцор
Бил ногами в живот...

Молодая вдова,
Верность мужу храня, -
Ведь живём одна -
Пожалела меня.

И бледнел я на кухне с разбитым лицом,
Делал вид, что пошёл на попятную,
«Развяжите, - кричал, - да и дело с концом!»
Развязали, - но вилки попрятали.

Тут вообще началось -
Не опишешь в словах, -
И откуда взялось
Столько силы в руках! -
Я как раненый зверь
Напоследок чудил:
Выбил окна и дверь
И балкон уронил.

Ой, где был я вчера - не найду днём с огнём!
Только помню, что стены - с обоями, -
И осталось лицо - и побои на нём, -
Ну, куда теперь выйти с побоями!

...Если, правда, оно -
Ну, хотя бы на треть, -
Остаётся одно:
Только лечь помереть!
Хорошо, что вдова
Всё смогла пережить,
Пожалела меня -
И взяла к себе жить. (1967)

В песне, понятный всем, при наличии таких подробностей, рассказ про обычное в те годы застолье, которое редко обходилось без выяснения отношений, переходящих в драку. Почти каждый мог припомнить за собой нечто подобное, пусть даже при этом и «не ронял балкона» и не просыпался в постели гостеприимной хозяйки.

Главное, что хорошо подмечено в песне заключалось не в том, что человеку было стыдно за то, что буянил или подрался, а за то, какую он при этом несёт невообразимую чушь. Побои заживут, драка забудется, но сказанное в пьяном угаре, могут тебе припоминать всю жизнь.

Поэтому, даже теперь, если и не вызывают последние слова песни неудержимого хохота, но всё равно заставляют улыбнуться и даже прослушать эту «историю» сначала. Так что и при рассмотрении второй темы, нашего сопоставления произведений трёх авторов, Владимир Высоцкий опять остаётся вне конкуренции.

Война (память, раздумья)

Булат Окуджава, «Нам нужна одна победа»

Здесь птицы не поют,
Деревья не растут,
И только мы, к плечу плечо
Врастаем в землю тут.

Горит и кружится планета,
Над нашей Родиной дым,
И значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех - мы за ценой не постоим.

Одна на всех - мы за ценой не постоим.

Нас ждёт огонь смертельный,
И всё ж бессилён он.
Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный,
Десятый наш десантный батальон.
Десятый наш десантный батальон.

Лишь только бой угас,
Звучит другой приказ,
И почтальон сойдёт с ума,
Разыскивая нас.

Взлетает красная ракета,
Бьёт пулемёт, неутомим,
И значит нам, нужна одна победа,
Одна на всех - мы за ценой не постоим.
Одна на всех - мы за ценой не постоим.

Нас ждёт огонь смертельный,
И всё ж бессилён он.
Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный,
Десятый наш десантный батальон.
Десятый наш десантный батальон.

От Курска и Орла
Война нас довела
До самых вражеских ворот.
Такие, брат, дела.

Когда-нибудь мы вспомним это,
И не поверится самим.
А нынче нам нужна одна победа,
Одна на всех - мы за ценой не постоим.
Одна на всех - мы за ценой не постоим.

Нас ждёт огонь смертельный,
И всё ж бессилён он.
Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный,
Десятый наш десантный батальон.
Десятый наш десантный батальон. (1970)

Булат Окуджава рассказывал, что «песню к кинофильму «Белорусский вокзал» он писал по заказу. К нему обратился режиссер Андрей Смирнов и попросил написать песню для его фильма - ему «хотелось выполнить его просьбу, и *он* стал пробовать...».

Песня и впрямь получилась хорошей, для того, кто не был на войне, но для человека воевавшего, как Булат Окуджава, она мне с самого начала показалась какой-то странной, если не вызывающе бессердечной. Такого сюжета, я никак не мог ожидать от автора-исполнителя, популярных тогда в Советском Союзе, лирических песен.

Отец у меня не воевал, когда, окончил школу милиции, просто оказался в нужное время в нужном месте, во время первого налёта фашисткой авиации на Москву в июле 1941 года. Не проявляя особенного героизма, и в тоже время, не поддавшись панике, Парфирий Тихонович Коханов в своём районе с помощью гражданских пожарных дружин организовал тушение зажигательных бомб. Сам лично потушил 20 бомб и ещё успел при этом выпустить из своего нагана все патроны в пролетевший над ним «мессершмитт». В числе прочих отличившихся в тот день, отец в августе 1941 года был награждён орденом «Знак Почёта» и ходил с этим орденом, привинченным на лацкане пиджака, как герой гражданской войны, почти до самой своей смерти в 1968 году. Кстати орден он получил в Кремле из рук самого Председателя Президиума Верховного Совета СССР Михаила

Ивановича Калинина, что было запечатлено на трёх фотографиях сделанных кремлёвским фотографом, не только с ним, но и ещё на двух фотографиях также в числе двух военных и одного гражданского лица, под сталинским портретом. «Подвиг» отца был описан в газете «Московские новости», но к его большому сожалению только на английском языке. Как человек не воевавший, отец признавал из всех военачальников только маршала Георгия Жукова и как вождя только И.В.Сталина, но, когда того вынесли из мавзолея, никогда об этом не сожалел, может потому, что в свёрнутой в папку газете с материалами XX съезда КПСС, хранил свои кремлёвские фотографии 1941 года.

А вот мой тесть Фёдор Васильевич Балашов прошёл всю войну от начала до конца. При этом дважды в военных эшелонах проехал мимо родной Малаховки, сначала на Западный фронт, а потом из Восточной Пруссии на Дальний Восток. Закончил войну он на Корейском полуострове. Был связистом, в атаку не ходил, но под пулями и снарядами прополз, устанавливая связь между частями, разве теперь подсчитаешь, сколько километров. Но столкнуться в прямом смысле с немцем всё же раз ему пришлось, на одном из участков фронта с извилистой линией окопов двух противоборствующих сторон.

Подтягивая за собой катушку с проводом, мой тесть почувствовал, что ударился во что головой. Поднял глаза и увидел перед собой лицо немца, который тоже устанавливал связь. Посмотрев, молча друг на друга, тесть и немец, также молча поползли, но только теперь уже назад к своим окопам. Установив связь с соседним полком, тесть доложил своему командиру о встрече с немцем и получил благодарность за то, что поступил правильно, так как каждый должен заниматься порученным ему делом, а не проявлять никому не нужный в таких случаях героизм.

За всю войну мой тесть был награждён, кроме медалей, за взятие каких-то городов, только одной медалью «За боевые заслуги», а, сколько было таких, которые за всю войну вообще не имели не одной из медалей, хотя бы как-то отметившей их доблесть или героизм, а не просто участие в войне.

Что меня удивляло в тесте, это то, что он никогда не смотрел фильмы о войне, и я запомнил за всё время, пока он не умер, только один случай, когда он задержался у телевизора, в то время, когда там показывали фильм «Батальоны просят огня», поставленный по одноимённой повести писателя Юрия Бондарева. Отходя от телевизора, тесть тогда сказал, - вот, наконец-то показали, что действительно было на войне, хотя бы так...». Папироса в руке тестя как-то неестественно дрожала, и я не решился и в тот раз спросить, - а как было на самом деле? Из всех военачальников тесть признавал только маршала Константина Константиновича Рокоссовского, о котором английский фельдмаршал Бернанд Лоу Монтгомери Аламейский, на одном из послевоенных приёмов в честь победы сказал, - даже «если бы о нём не объявляло радио, я бы всё равно видел его славный путь по салютам в Москве».

Маршалл Рокоссовский ценил жизнь солдат, в отличие от маршала Жукова, которому танки были дороже, и поэтому приказывал солдатам идти в атаку через минные поля, чтобы потом сапёрам можно было легче обезвредить (снять) противотанковые мины. Танки были нужней, их нужно было изготавливать, тратить на это большие средства, а бабы и так могли бесплатно нарожать новых солдат, да и во время встречного пулемётно-ружейного огня всё равно бы солдат погибло бы не меньше.

В этом и заключалась вся сермяжная логика самого известного советского маршала. Поэтому на фронте чаще говорили, что там, где Жуков не просто победа, а победа любой ценой, даже за счёт бессмысленной смерти сотен тысяч солдат.

В отличие от Георгия Жукова Константин Рокоссовский сам на себе испытал то, что испытывает солдат, оставшись один в «гнезде», потому что по уставу того времени по фронту не было сплошной линии окопов, а были отдельные гнёзда для каждого солдата. По стратегии ведения войны, тогда считалось, что при такой ячейковой системе пехота, несёт меньше потерь от авиации и артиллерии.

Поэтому когда командарм Рокоссовский, обратил внимание, что пехота стрелковых частей, находясь в обороне, почти не вела ружейного огня по наступающим немецким солдатам, то решил лично проверить, правильно ли построена линия обороны. Поэтому осенью 1941 года генерал Рокоссовский для проверки эффективности ячеечной системы обороны один провел в одиночном окопе целую ночь и понял, что надо рыть траншеи. Позднее он не постесняется сказать о своих впечатлениях:

«Я старый солдат, участвовавший во многих боях, и то, сознаюсь откровенно, чувствовал себя в этом гнезде очень плохо. Меня всё время не покидало желание выбежать и заглянуть, сидят ли мои товарищи в своих гнёздах или уже покинули их, а я остался один. Уж если это ощущение не покидало меня, то каким же оно было у человека, который может быть впервые в бою!.. Человек всегда остаётся человеком, и, естественно, особенно в минуты опасности, ему хочется видеть рядом с собой товарища и, конечно, командира. Отчего-то народ сказал: на миру и смерть красна. И командиру отделения обязательно нужно видеть подчинённых: кого подбодрить, кого похвалить, словом влиять на людей и держать их в руках» (В.Карташов, «Рокоссовский», М., 1973, ЖЗЛ, стр.181,182).

Мы за ценой не постоим! – это была песня не о самой войне, а скорее гимн, в котором Булатом Окуджава, прославлял маршала Георгия Жукова и его тактику ведения победоносной войны. К тому же эта песня была написана, как вы узнаете из рассказанного ниже, человеком, раненным шальной пулей в задницу, который за 1,5 месяца, побывав рядом с линией фронта, сам в боевых действиях не участвовал и больше, после ранения, на фронт не стремился.

Неудивительно, что мне захотелось узнать, а как собственно и где воевал сам Булат Шалвович Окуджава? Везде как-то всё было написано расплывчато – ушёл на фронт добровольцем в 1942 году, был ранен и что закончил войну в 1944 году. Ничего конкретного, но всё-таки откровения о войне известного барда, мной были найдены. Это была запись беседы Юрия Роста с Булатом Окуджавой, правда журналистом не была указана дата, когда она именно происходила, а только то, что имела место на кухне у Окуджавы в Безбожном переулке, и касалась, как жизни поэта, так и его участия в войне.

Беседа была опубликована в «Новой газете» №32 от 5 мая 2005 года, под названием «Война Булата» и Юрий Рост, так и не смог вразумительно объяснить, почему не опубликовал её сразу. Просто ограничился репликой, что не напечатал текст раньше, вероятно, из-за того, что «в нём было больше доверительности, чем требовала газета». Но оставим это запоздалое оправдание на совести журналиста, исключим из описания этой беседы всё о жизни Булата Окуджавы и оставим только то, что касалась его участия в войне:

Булат Окуджава: «...Потом пришла война, но мне ещё рано было уходить. Я, конечно, начал бомбардировать военкомат. С приятелями мы требовали, чтобы нас забрали в армию.

Мы охаживали капитана Качарова. Он сначала орал на нас, топал ногами, потом привык и, чтобы отвязаться, поручил повестки разносить. Мы ходили по дворам. Нас били за эти повестки, бывало. Горесть приносили.

Юрий Рост: Это какой район?

Булат Окуджава: Тогда он назывался район Берия. Самый центральный, там, где консерватория, где оперный театр, проспект Руставели, улица Грибоедова. Очень хороший район.

Я учился в 101-й школе. Это знаменитая школа у базара. Школа шпаны и хороших учеников. Все были страшная шпана и в то же время хорошие ученики.

Потом я ушёл из школы. Работал на заводе учеником токаря, занимался ровировкой стволов огнемёта. Что такое ровировка, до сих пор не знаю. Что-то тяжелое мы делали изо дня в день, из ночи в ночь, по 14-16 часов безвылазно.

А я все ходил в военкомат, надоедал. Наконец, этот Качаров не выдержал и сказал: вот вам повестки. Мы сели и сами себе их написали.

Юрий Рост: Сколько вам было?

Булат Окуджав: 17 лет. Тётка моя всполошилась, сказала, что пойдёт в военкомат, что всё перевернёт там, что это безобразие. Я ей сказал, что, если она пойдёт в военкомат, я убегу из дома.

Мы с моим другом Юрием Попенянцем получили направление в 10-й Отдельный запасной миномётный дивизион. В Кахетии он располагался.

Это был апрель 42-го года. Мы ходили в своём домашнем, присяги не принимали, потому что формы не было. А потом нам выдали шапки альпийских стрелков, и мы, обносившиеся, босиком, в этих альпийских широкополых шляпах, запевая и ударяя босыми ногами в грязь, ходили строем.

Жили мы в палатках. Постепенно подходило дело к осени. Вино начали гнать. Солдат угощали. Мы воровали. Всё было.

А потом в один прекрасный день осенний нас передислоцировали в Азербайджан. Там мы пожили немножко, мечтая попасть на фронт. Потому что здесь кормили плохо, а все рассказывали, что на фронте кормят лучше. Там фронтовая пайка, там не нужно козырять, там своя жизнь. Фронт был вожделенным счастьем. Все мечтали об этом.

Однажды нас вдруг подняли. Повезли в баню и после помывки выдали новую форму. Привезли нас, чистеньких, в Дом офицеров в Тбилиси.

А мой дом, где тётка живёт, находился рядом с Домом офицеров. На улице Грибоедова. Начался митинг многочасовой. Художественная самодеятельность. И я смылся домой. Меня быстренько чайком напоили домашним. И я сказал, что, по всей вероятности, отправят на фронт.

Но повезло: не на фронт, а под Тбилиси, в какой-то военный городок за колючей проволокой. Там мы изучали искусство пользования ручной гранатой. Раздали гранаты и предупредили, что если сунуть неудачно капсулу внутрь, то тут же взрыв, и всё. Гранаты заставили на пояс прицепить, капсулы отдельно, и с этим добром велели лечь спать. Мы ложились медленно, стараясь не дышать. Ночь была страшная. Полный ужас.

Утром смотрим: стоят новенькие американские «студебеккеры», наши миномёты прицеплены к ним. По машинам! Скорее, скорее. Эшелоны стоят. Погрузка. Начинаем грузить каждый свой миномёт.

Начинаем грузиться, думаю: как же своим сообщить? И вижу: на станции стоит в гражданском какой-то мужчина, грузин. Солидный. Я подбегаю к нему и говорю:

«Вы знаете, вот сейчас на фронт отправляют неожиданно, у меня тётя здесь. Я вам дам телефон, вы ей позвоните, скажите, что вы видели меня, что я жив и здоров, что меня отправляют на фронт».

Юрий Рост: О родителях вы ничего не знали?

Булат Окуджав: Нет, конечно. И начались наши фронтовые скитания. Это была Отдельная миномётная батарея, которая придавалась разным частям. Вот мы едем-едем, нас должны придать такому-то полку. Приезжаем, оказывается, там уже батарея есть.

Потом несколько дней ждем, потом нас отправляют в другое место. Опять эшелон, опять придают какому-то полку. Придали, оказывается, у нас нет довольствия. Все жрут, а нам есть нечего. Что делать? И командир нам как-то говорит, что надо самим еду доставать. Мы по парам разделились и пошли по разным кубанским селам просить милостыню. Кто что давал, всё в общий мешок приносили. В казарме все это раскладывали на одинаковые кучки. Потом один отворачивался:

«Кому?». - «Тому». Так раздавали. И командиры питались, и мы.

Потом попали на фронт. Где меня ранило весьма прозаически. Из крупнокалиберного пулемёта, с самолёта. «Рама» летала и постреливала. Случайно какая-то пуля раздробила кость и застряла в бедре. Я долго её потом носил на верёвочке...

Юрий Рост: Вы так и не успели повоевать толком?

Булат Окуджав: Нет. Месяца полтора. Я вообще в чистом виде на фронте очень мало воевал. В основном скитался из части в часть. А потом - запасной полк, там мариновали.

Но запасной полк - это просто лагерь. Кормили бурдой какой-то. Заставляли работать. Жутко было. Там уже содержались бывшие фронтовики, которые были доставлены с фронта. Они ненавидели это всё.

Осенью 43-го года - опять баня, опять новая одежда. Эшелон. И повезли. Слух пошёл, что под Новороссийск нас везут. По пути шёл грабёж полей, к тому же к поезду выходили крестьяне. Со жратвой.

Юрий Рост: Меняться?

Булат Окуджав: Все меняли. Мы им американские ботинки рыжие, они взамен тоже ботинки, но разбитые, и ещё в придачу кусок хлеба и сала кусок.

Поэтому мы приехали к месту назначения грязные, рваные, похожие на обезьян, спившиеся. И командиры, и солдаты.

И нас велели отправить в Батуми, в какую-то воинскую часть, приводить в чувство. Там казармы, на полу солома, прямо на соломе мы спали. Ничего не делали. Я запомнил только то, что повели нас на экскурсию: почему-то дачу Берия смотреть.

Роскошный белый дом на холме. Разрешили через окна посмотреть убранство. Роскошная столовая, громадная, барская. А товарищи мои были в прошлом профессиональные жулики. Очень добрые ребята.

Они там побегали по даче, разнюхали. Мы пришли, легли спать. Ночью я проснулся - их нет. К утру в казарму пришли какие-то люди, и ребят арестовали. Выяснилось, что ночью они все столовое серебро в скатерть - и унесли. Ночью же отнесли в скупку. Их выследили. Мы обсуждаем, что им грозит? Расстрел?

Нас торопят, в маршевую роту скорее-скорее, под Новороссийск. Поэтому нас толком даже не успели переодеть, а этих выпустили, потому что всё равно на фронт. Они пришли, смеются.

А нас погрузили на баржу и повезли под Новороссийск. У нас почему-то много вина всякого: пьём и плавём, пьём и плавём.

Потом стали слышать уже выстрелы. Потом долго стояли, нас не выпускали. Однажды ранним утром нас построили на палубе. Пришёл какой-то фронтовой начальник. Он посмотрел на нас и ушёл. Мы ещё день простояли, и нас отправили обратно. В таком виде не принимают.

Меня вновь отправили в запасной полк, где я опять мучился, пока не пришли вербовщики. Выбирать. Я уже на фронте побывал, я уже землянки порыл, я уже наелся всем этим. Я стараюсь сачковать, куда-нибудь полегче.

Юрий Рост: То есть романтизм, с которым вы рвались на фронт, уже весь был разрушен?

Булат Окуджав: Никакого романтизма. Пожрать, поспать и ничего не делать - это главное.

Один офицер набирает в артиллерию большой мощности, резерв Главного командования. Стоит где-то в Закавказье, в горах. Не воевала с первого дня. И не предполагается, что будет воевать.

Подумал: что там-то может быть трудного? Снаряды подносить — эта работа мне не страшна. А что ещё? Думаю: такая лафа. И я завербовался.

Большинство ребят на фронт рвались. Потому что там жратва лучше была. И вообще повольнее было. Если не убьют, значит, хорошо. А я пошёл в эту часть...

Нас повезли высоко в Нагорный Карабах, там, в Степанакерте, располагалось то ли Кубанское, то ли Саратовское пехотное училище. И меня перевербовали в него курсантом.

Я посчитал: через полгода буду младшим лейтенантом, хромовые сапожки... Там никто ничего не спрашивал, а у меня к тому же высокое девятиклассное образование.

Зачислили меня, и началась муштра невыносимая. Такая муштра началась, что не дай бог. Полгода ждать - умру. Я человек нетерпеливый. Месяца три промучился. Иду к замполиту, разрешите доложить: так, мол, и так, отец мой арестован, враг народа.

Он говорит, сын за отца не отвечает. Я говорю, я знаю всё, но на всякий случай, чтобы вы не сказали, что я скрыл. Молодцом, говорит, правильно сделали. Идите, работайте спокойно. И я с горьким сердцем пошёл работать спокойно.

На следующее утро построение после завтрака. «Окуджав, Филимонов, Семёнов, выйти из строя, остальным - направо, на занятия шагом марш!». И все пошли.

А нам - продаттестаты и назначение в артиллерийскую часть, из которой меня переманили. И я с лёгким сердцем поехал сам за себя отвечать. Приехал туда, в горы. В диком месте расположены эти гаубицы, там все озверели от муштры и безделья. И занятия там такие: если с гаубицей — тогда нормально, но когда, не дай бог, выезды ночные - это кошмар.

Ночью по тревоге вся эта громадина, весь этот полк со всеми своими гаубицами, приспособлениями идёт на специальное место, и там начинают по всем правилам устава устанавливать эти гаубицы. Их надо погрузить в землю независимо от грунта. И все роют, все роют и роют. Всю войну я рыл...

Ковырялся я там, пока у меня не открылась рана. Отправили в госпиталь, а потом дали отпуск по ранению на три месяца, и я поехал в Тбилиси. Стал на учёт и, чтобы не тратить времени, пошёл в свою же школу и экстерном стал сдавать 10-й класс. И сдал.

Юрий Рост: Требования для фронтовиков были другие?

Булат Окуджав: Никаких, что хочешь, говори, фронтовик наш Булат пришёл! Мне поставили тройки и дали аттестат, а тут кончилась война. Кончилась война, и, как все, иду в Политехнический

институт, хотя в математике не смыслю абсолютно. Без всяких экзаменов - как фронтовик, инвалид второй группы.

Становлюсь студентом, получаю стипендию, как фронтовик, ничего не понимаю и полгода там трачу, а потом соображаю, что это не моё. Быстро перекантовываюсь...

Юрий Рост: Многие на войне чувствовали, что они необходимы. Позже они вспоминали о тех годах, как о лучшем времени жизни.

Булат Окуджава: Я очень жалею этих людей. На фронте были свои достоинства, какая-то раскованность, возможность сказать правду в лицо, себя проявить, было какое-то братство. И всё, пожалуй. Война учила мужеству и закалке, но закалку и в лагере получали.

А в основном это был ужас и растление душ. И там были люди, которые вспоминают лагерь с удовольствием. Сидела с моей матерью одна женщина. И потом, когда встречались каторжанки, говорили о прошлом, о кошмарах лагеря, она счастливо вспоминала: «А помнишь, как жили дружно, как я вам супы разливала? Вот было время!».

Я хотел сказать другое. Когда я отправился на фронт, во мне бушевала страсть защищать, участвовать, быть полезным. Это был юношеский романтизм человека, не обремененного заботами, семьей. Я не помню, чтобы простой народ уходил на фронт радостно.

Добровольцами уходили, как ни странно, интеллигенты, но об этом мы стыдливо умалчиваем до сих пор. А так война была абсолютно жёсткой повинностью. Больше того, рабочие, как правило, были защищены лиферами всякими, потому что нужно было делать снаряды. А вот крестьян отдирали от земли.

Аппарат подавления функционировал точно так же, как раньше, только в экстремальных условиях - более жестко, более откровенно.

Я, помню, написал один материал военный: войну может воспевать либо человек неумный, либо, если это писатель, только тот, кто делает её предметом спекуляции. И поэтому все эти повести и романы наших военных писателей, я не могу читать, я понимаю, что они недостоверны. Редко кто бывал достоверным. Люди придумывали свою войну и себя в ней.

На фронте у меня были хорошие и милые друзья. Потом случилось, что я нашёл самого близкого из них и ему написал. Оказалось, что он работает директором школы...

Я писал письма: «а помнишь, а помнишь...», наконец он мне радостно сообщил, что едет в командировку в Москву. Это был 57-й год, перед фестивалем молодежи.

Я был такой счастливый, я так нервничал. Наконец он приехал, мы с ним встретились, он купил водки, я закуски, начали выпивать и разговаривать, передо мной сидел другой человек. Я постепенно скисал, скисал.

Мы все допили, он уехал, и я его больше не видел. Он мне писал несколько раз. Видимо, он что-то почувствовал. Потом стала появляться критика против меня с начала 70-х годов, тут он написал мне письмо, что поделом тебе, пишешь всякое говно, неправильно...

И на этом все кончилось. Это был самый близкий товарищ, а остальные как-то разлетелись.

Юрий Рост: Вас связывало только прошлое, оно ушло, и всё?..

Булат Окуджава: Во-первых, только прошлое, во-вторых, только очень узкая сфера деятельности...

Но у меня с ним было нечто общее, духовное. Он любил стихи, и мы с ним по ночам читали стихи друг другу потихонечку. Однажды нас загнали в какой-то тёмный барак, и вдруг я слышу: в уголке вполголоса кто-то романс поёт.

И я запел ночью громче и почувствовал, что он весь вибрирует от счастья, что кто-то есть, кто может поддержать. Тут вдруг лейтенант какой-то ворвался и закричал: кто тут пессимизм разводит? Прекратите! И мы на этой почве как-то сошлись.

Юрий Рост: И потом он со временем превратился в этого лейтенанта?

Булат Окуджава: А он и был таким, одно другому не мешало. Он Сталина оправдывал, Сталин - это наша сила, а мне этот герой был чужд совершенно.

Позже этот друг прочитал Школяра, был возмущён, потому что его интересовал героизм советских воинов, а там, чёрт-те что, там было. У него уже выработалось то, что было, а писать-то надо то, что надо. Просчёты, поражения - всё это умалчивается.

В русско-японской войне нам наложили по первое число. Нет, выступает муж и говорит: ну, может быть, в целом войну проиграли, но отдельные-то сражения блистательно выигрывались нашими войсками. Финскую кампанию, по существу, мы тоже проиграли. Никто же об этом не говорит.

А теперь особенно. Прошлые 60 лет вообще превратились в ложь. В зале Чайковского поэтический вечер. Я выхожу, читаю стихи против Сталина, против войны, и весь зал аплодирует (это я, к примеру, говорю).

Потом выходит Андрей Дементьев и читает стихи о том, как славно мы воевали, как мы всыпали немцам, так пусть они знают своё место, пусть помнят, кто они такие, и зал опять аплодирует.

Мало кто думает о том, что немцы сами помогли Советскому Союзу себя победить: представьте себе, они бы не расстреливали, а собирали колхозников и говорили им - мы пришли, чтобы освободить вас от ига. Выбирайте себе форму правления. Хотите колхоз - пожалуйста, колхоз. Хотите единоличное хозяйство - пожалуйста. На заводах то же самое - делайте свою жизнь.

Если бы они превратили наши лозунги в дело, они могли бы выиграть войну. У них была, конечно, жуткая ошибка с пропагандой. Своей исключительной жестокостью они спровоцировали народный гнев.

Та же самая ситуация была и с Наполеоном, он же вошел в Россию, и сразу были брошены прокламации, что он идёт освободить русское крестьянство от рабства. Что сделал русский крестьянин? Он тут начал резать своих помещиков и понёс продовольствие...

Но потом Наполеону подсказали, что он император и что русский крестьянин уничтожает дворянство. Это не совсем правильно, и они тут же отменили своё решение. Тут русский крестьянин взял вилы и пошёл бить французов.

Но системы у нас похожи. Абсолютно две одинаковые системы схлестнулись. Они поступали точно так же, как поступали бы и мы. И в этом их ошибка. Просто наша страна оказалась мощнее, темнее и терпеливее (*полностью запись беседы Юрия Роста с Булатом Окуджавой можно прочитать на сайте www.novayagazeta.ru/data/2005/32/12.html*).

Не знаю, как тебе нравятся мой дорогой и терпеливый читатель, эти откровения Булата Окуджавы, если ты дошёл, читая мою статью до этого места, а мне так стало противно на душе, что даже захотелось плюнуть в монитор компьютера, но он то здесь, конечно, был не причём.

Я думаю, что если Булат Окуджава рассказал бы о своих фронтовых приключениях Владимиру Высоцкому, то тот, особенно после заключительных фраз, наверно всё-таки съездил бы ему кулаком по его «интеллигентной» морде. Хотелось бы мне в это поверить, а там, как знать. Тех, кто жалеет, что Советский Союз победил в войне с фашисткой Германией, к нашему стыду, становится всё больше, как и желающих «откосить» от службы в армии.

И что тут удивляться, потому что такая страна, как Россия для многих из них уже не родина, а пустой звук, уже в третьем, если не в четвёртом поколении.

Ну что можно сказать о песне посвящённой войне Булата Окуджавы «Нам нужна одна победа», после такого длинного комментария, - не то, что петь, её даже слушать теперь противно.

Так что, перейдёт теперь к песне Александра Галича, которая также касалась Великой отечественной войны:

Александр Галич, «Ошибка»

Мы похоронены где-то под Нарвой,
Под Нарвой, под Нарвой,
Мы похоронены где-то под Нарвой,
Мы были - и нет.
Так и лежим, как шагали, попарно,
Попарно, попарно,
Так и лежим, как шагали, попарно,
И общий привет!

И не тревожит ни враг, ни побудка,
Побудка, побудка,
И не тревожит ни враг, ни побудка
Помёрзших ребят.
Только однажды мы слышим, как будто,
Как будто, как будто,

Только однажды мы слышим, как будто,
Вновь трубы трубят.

Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Такие-сякие,
Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Ведь кровь - не вода!
Если зовёт своих мёртвых Россия,
Россия, Россия,
Если зовёт своих мёртвых Россия,
Так значит - беда!

Вот мы и встали в крестах да в нашивках,
В нашивках, в нашивках,
Вот мы и встали в крестах да в нашивках,
В снежном дыму.
Смотрим и видим, что вышла ошибка,
Ошибка, ошибка,
Смотрим и видим, что вышла ошибка,
И мы - ни к чему!

Где полегла в сорок третьем пехота,
Пехота, пехота,
Где полегла в сорок третьем пехота,
Без толку, зазря,
Там по пороше гуляет охота,
Охота, охота,
Там по пороше гуляет охота,
Трубят егеря!
Там по пороше гуляет охота,
Трубят егеря... (1962)

К сожалению, мой тесть никогда не слышал этой песни, думаю, что она ему бы понравилась, потому что у многих во время складывалось впечатление, что они гибли зазря, не догадываясь о планах командования, отвлечь на кого-то крупные силы противника, чтобы начать наступление совсем в другом месте. Вот почему бывший рядовой Фёдор Васильевич Балашов посмотрел несколько минут фильм «Батальоны просят огня» и вышел на улицу. Разумеется, эту песню поймёт не каждый, особенно, не поймут те, кто сильнее других напивается, отмечая очередной «День Победы», пройдя всю войну, числясь в штабных писарях и потому, имеющих два ряда орденов и медалей на своих, вычищенных для праздничных шествий, военных гимнастёрках.

И, наконец, обратим внимание на одну из военных песен Владимира Высоцкого.

Владимир Высоцкий, «Песня о звёздах»

Мне этот бой не забыть нипочём -
Смертью пропитан воздух,
А с небосклона бесшумным дождём
Падали звёзды.

Вот снова упала - и я загадал:
Выйти живым из боя...
Так свою жизнь я поспешно связал
С глупой звездой.

Я уж решил: миновала беда
И удалось отвертеться...
Но с неба свалилась шальная звезда -
Прямо под сердце.
С неба свалилась шальная звезда -

Прямо под сердце.

Нам говорили: «Нужна высота!»
И «Не жалеть патроны!»
Вон покати́лась вторая звезда -
Вам на погоны.

Звёзд этих в небе - как рыбы в прудах,
Хватит на всех с лихвою.
Если б не насмерть, ходил бы тогда
Тоже - Героем.

Я бы Звезду эту сыну отдал,
Просто на память...
В небе висит, пропадает звезда -
Некуда падать. (1964)

Сравнивая эту песню Владимира Высоцкого с предыдущими песнями, понимаешь, насколько она стала тогда близка каждому, - и тому, кто воевал, и тому, кто только слышал о войне. Не зря же, когда она прозвучала с экрана в фильме «Я родом из детства», её потом исполняли повсеместно, и это в корне у многих изменило отношение к Владимиру Высоцкому и, что не мало важно, значительно увеличило число поклонников его таланта.

На этом я заканчиваю краткий сравнительный анализ творчества трёх самых известных советских бардов, взяв для анализа, разумеется, не самые их лучшие и популярные песни, а только те, где можно было нащупать определённые параллели, и можно было сравнить, манеру отражения ими, сходных тем. И, как вы видите, здесь преимущество Владимира Высоцкого выглядело, бесспорно, если исходить из того, что с подобным методом рассмотрения творчества поэтов, вы будете готовы согласиться, а если нет, то никто вам не мешает самим придумать более оригинальный способ рассмотрения творчества различных по своему мировоззрению этих трёх авторов-исполнителей своих песен.

В отличие от Александра Галича и Булата Окуджавы, Владимир Высоцкий «умудрился» умереть так, что ни с какой стороны к нему нельзя прицепить никакого ярлыка – ни ярого сторонника Советской власти, ни её злобного противника.

Поэтому всё в его творчестве останется навсегда «общеприимяющим явлением повседневной жизни», как было в прошлом, так и сейчас в настоящем, так и останется в перспективе на отдалённое будущее.

Александр Галич был и оставался до конца противником Советской власти и в своём творчестве изобличал все её пороки, публично, не прибегая к помощи эзопова языка. За это он и поплатился, не как истинный борец, попав в тюрьму или будучи сосланным, куда-нибудь северней Анадыря, а изгнанием и относительной, по меркам жизни в СССР, обеспеченной жизнью за рубежом. Последним шагом, чтобы как-то уцепиться кончиками своих корней за изгнавшую его родину, было принятие им в 1972 году, незадолго перед отъездом за рубеж в июне 1974 года, православия и вместе с ним обретения возможности быть похороненным на русском кладбище в Париже.

О том, как пришёл к православию Александр Галич рассказывает протоиерей Александр Мень (*22 января 1935, Москва - 9 сентября 1990, Семхоз, Московская область*), крестивший его в церкви Сретения в Новой деревне:

Конечно, как и многие, я не раз слышал записи его песен, поразительных, с такой точностью передающих дух и настроение тех лет. Голос Галича казался мне прорывом из глухого молчания. Но молчания многозначительного.

Я верил, что под ледяной коркой зимы все ещё текут живые струи. Уж если сталинщина не могла полностью иссушить эту реку, то тем более - потом...

Галич говорил и пел о том, о чем шептались, что многие уже хорошо знали. Он блестяще владел городским полуинтеллигентским и полублатным жаргоном, воплощаясь то в героев, то в антигероев нашего времени.

Мне он казался своего рода мифом, собирательным образом, каким казался в начале 60-х Окуджава, хотя мне было известно, что это вполне реальные люди. Окуджава пел о простом, человеческом, душевном после долгого господства казенных фраз. Галич изобразил в лицах, в целой галерее лиц, портрет нашей трагической эпохи.

Поэтому мне показалось странным, почти невероятным, что я мог увидеть его, словно это был оживший символ, который трудно себе представить в виде одного конкретного человека.

Я увидел его сразу, когда он, такой заметный, высокий, появился на пороге церкви. Он пришел с нашим общим знакомым, композитором Николаем Каретниковым. Не помню сейчас (прошло уж больше 15 лет), уславливались ли мы заранее, но я узнал его сразу, хотя фотографий не видел. Узнал не без удивления. Знаете, читатель часто отождествляет писателя с его героями. Так вот, для меня Александр Аркадьевич жил в его персонажах, покалеченных, униженных, протестующих, с их залихватской бравадой и болью. А передо мной был человек почти величественный, красивый, барственный. Оказалось, что записи искажали его густой баритон.

Мне он сразу показался близким, напомнил мою родню - высоченных дядек, которые шутя кололи грецкие орехи ладонью. Это был артист - в высоком смысле этого слова. Потом я убедился, что его песни неотделимы от блестящей игры. Как жаль, что осталось мало кинокадров... Текст, магнитозаписи не могут всего передать. И в первом же разговоре я ощутил, что его «изгойство» стало для поэта не маской, не позой, а огромной школой души. Быть может, без этого мы не имели бы Галича — такого, каким он был.

Мы говорили о вере, о смысле жизни, о современной ситуации, о будущем. Меня поражали его меткие иронические суждения, то, как глубоко он понимал многие вещи.

Вообще-то я всегда придерживаюсь правила — не посвящать других во внутреннюю жизнь моих прихожан, даже ставших знаменитыми. Это нечто вроде врачебной тайны. Иначе невозможны искренние, доверительные отношения.

Могу сказать лишь очень немного. Его вера не была жестом отчаяния, попыткой куда-то спрятаться, к чему-то примкнуть, лишь бы найти тихую пристань. Он много думал. Думал серьезно. Много пережил. Христианство влекло его. Но была какая-то внутренняя преграда. Его мучил вопрос: не является ли оно для него недоступным, чужим. Однако в какой-то момент преграда исчезла. Он говорил мне, что это произошло, когда он прочел мою книгу о библейских пророках. Она связала в его сознании нечто разделенное. Я был очень рад и думал, что уже одно это оправдывает существование книги.

После совершения таинства мы сидели у меня, и он читал нам с Н.Каретниковым (*Николай Николаевич Каретников, 1930–1994*) свои стихи. И как-то по-особенному прозвучал его «Псалом» о том, как человек искал «доброе Бога». Нет, вера его была не слепой, не способом убежать от жизни. Она была мудрой и смелой. В нем жило чувство истории, сопричастности с ней, историческая перспектива, которая связывалась для него с христианством. Об этом, о сокровенном, Галич пел, и писал мало. Это было прекрасное целомудрие души.

Есть вещи, которые нельзя выставлять напоказ. Но в своем пронзительном стихотворении «Когда я вернусь» он не случайно назвал наш маленький храм, «где с куполом синим не властно соперничать небо», своим «единственным домом».

Однажды, когда он прочел нам стихи о том, что надо бояться человека, который «знает, как надо», Каретников спросил его: «А Христос?» Александр Аркадьевич ответил:

«Но ведь Он не просто человек...»

(*Воспоминания Александра Меня с сайта <http://www.alexandrmn.ru/biogr/galich.html>*).

Смерть Александра Галича была нелепой, от удара электрическим током при подключении внешней антенны к телевизору, когда воткнул её в какое-то отверстие или в гнездо с выходом высокого напряжения. Попытки связать его смерть с происками КГБ, а затем с ЦРУ, так как он якобы решил возвращаться в СССР, не смотря на «авторитетные» заявления академика Андрея Сахарова, всерьёз никогда не рассматривались, так как времена, когда охотились с ледорубами на Льва Троцкого, давно прошли.

Да и Александр Галич, был на радиостанции «Свобода» не тот человек, чьё мнение, ввиду его полной неизвестности в СССР среди большинства советских людей, могло кого-нибудь особенно заинтересовать, не смотря, на то, что фильм по его сценарию «Верные друзья» видел практически каждый.

Если говорить откровенно, то вообще все прочие фамилии, кроме главных исполнителей, в титрах советских фильмов, могли заинтересовать только

профессиональных критиков и самих авторов сценария, а не простого зрителя, который, в лучшем случае, запоминал фамилию одного режиссёра, и то потому, что она шла, сразу же, после названия или с названием фильма.

Так, что и Александр Галич, как и Владимир Высоцкий, не может стать объектом для всевозможных спекуляций, с любой стороны, по отношению к Советской власти, и по его отношению к России, которую он любил, не смотря на то, что не мог смириться с нравами того времени и людьми, которые хотя и осуждали сталинское прошлое, но и порвать с ним до конца, не стремились.

А вот, что касается Булата Окуджавы, тут вопрос открытый. Ведь он до 1990 года был «товарищем» с партийным билетом, и с 1990 года стал «господином», порвавшим с КПСС, когда пребывание там ему стало невыгодным, и подобный демарш не мог уже стать поводом для каких-то репрессий, в виде лишения спецпайка, положенного ему по праздникам, так что с чистой совестью он тогда пополнил ряды диссидентов. Как говорится, успел отметить в картотеке активных антисоветчиков всех западных спецслужб, на излёте, правильнее будет сказать, накануне лебединой песни «могучей» Советской державы.

Сразу он как-то забыл, что был оплотом советской тоталитарной системы, правда, с лёгким повизгиванием под гитару о чём-то не согласном, как на пример с жалобами трудящихся, крохоборов, которые «всё пишут о разбитых лампочках, нет, чтобы самим их купить и вкрутить на лестничной клетке». Хотя я сомневаюсь, что Булат Окуджава сам на это был способен, как и на то, чтобы подмести за собой оставленные им же около мусорокамеры остатки мусора.

Теперь же он стал ярым сторонником авторитарного режима Бориса Ельцина, который помог Михаилу Горбачеву окончательно развалить СССР. Правда, когда тот принялся за Россию, то тут мнения даже «правозащитников» разделились, поскольку некоторые посчитали, что Россию, разваливают неправильно, не всем может хватить, чтобы безбедно, обосноваться на Западе и сокрушаться о гибели, когда-то Великой Державы.

Булат Окуджава, человек, как мы видим, был всегда принципиальный, поэтому и остался сторонником Бориса Ельцина. Когда события приняли драматический оборот, который мог привести к гражданской войне, он трезво оценил ситуацию и дал такое интервью, что до сих пор его трактуют, кто, как захочет, потому, что Булат Окуджава проявил себя тогда, как самая настоящая политическая проститутка.

В 1993 году он подписал «письмо 42-х» с требованием репрессий против участников событий октября 1993 года (*Известия*, №189 [24044] от 5 октября 1993 года):

ПИСАТЕЛИ ТРЕБУЮТ ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕШИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

"Известия" получили текст обращения к согражданам большой группы известных литераторов. В нем говорится:

Нет ни желания, ни необходимости подробно комментировать то, что случилось в Москве 3 октября. Произошло то, что не могло не произойти из-за наших с вами беспечности и глупости, - фашисты взялись за оружие, пытаясь захватить власть. Слава Богу, армия и правоохранные органы оказались с народом, не раскололись, не позволили перерасти кровавой авантюре в гибельную гражданскую войну, ну а если бы вдруг?.. Нам некого было бы винить, кроме самих себя. Мы "жалостливо" умоляли после августовского путча не "мстить", не "наказывать", не "запрещать", не "закрывать", не "заниматься поисками ведьм". Нам очень хотелось быть добрыми, великодушными, терпимыми. Добрыми... К кому? К убийцам? Терпимыми... К чему? К фашизму?

И "ведьмы", а вернее - красно-коричневые оборотни, наглевая от безнаказанности, оклеивали на глазах милиции стены своими ядовитыми листками, грязно оскорбляя народ, государство, его законных руководителей, сладострастно объясняя, как именно они будут всех нас вешать... Что тут говорить? Хватит говорить... Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли ее продемонстрировать нашей юной, но уже, как мы вновь с радостным удивлением убедились, достаточно окрепшей демократии?

Мы не призываем ни к мести, ни к жестокости, хотя скорбь о новых невинных жертвах и гнев к хладнокровных их палачам переполняет наши (как, наверное, и ваши) сердца. Но... хватит! Мы не можем позволить, чтобы судьба народа, судьба демократии и дальше зависела от воли кучки идеологических пройдох и политических авантюристов.

Мы должны на этот раз жестко потребовать от правительства и президента то, что они должны были (вместе с нами) сделать давно, но не сделали:

1. Все виды коммунистических и националистических партий, фронтов и объединений должны быть распущены и запрещены указом президента.
2. Все незаконные военизированные, а тем более вооруженные объединения и группы должны быть выявлены и разогнаны (с привлечением к уголовной ответственности, когда к этому обязывает закон).
3. Законодательство, предусматривающее жесткие санкции за пропаганду фашизма, шовинизма, расовой ненависти, за призывы к насилию и жестокости, должно наконец заработать. Прокуроры, следователи и судьи, покровительствующие такого рода общественно опасным преступлениям, должны незамедлительно отстраняться от работы.
4. Органы печати, изо дня в день возбуждавшие ненависть, призывавшие к насилию и являющиеся, на наш взгляд, одними из главных организаторов и виновников происшедшей трагедии (и потенциальными виновниками множества будущих), такие, как «День», «Правда», «Советская Россия», «Литературная Россия» (а также телепрограмма «600 секунд»), и ряд других должны быть впредь до судебного разбирательства закрыты.
5. Деятельность органов советской власти, отказавшихся подчиняться законной власти России, должна быть приостановлена.
6. Мы все сообща должны не допустить, чтобы суд над организаторами и участниками кровавой драмы в Москве не стал похожим на тот позорный фарс, который именуют "судом над ГКЧП".
7. Признать нелегитимными не только съезд народных депутатов, Верховный Совет) но и все образованные ими органы (в том числе и Конституционный суд).

История еще раз предоставила нам шанс сделать широкий шаг к демократии и цивилизованности. Не упустим же такой шанс еще раз, как это было уже не однажды!

Алесь АДАМОВИЧ, Анатолий АНАНЬЕВ, Артем АНФИНОГЕНОВ, Белла АХМАДУЛИНА, Григорий БАКЛАНОВ, Зорий БАЛАЯН, Татьяна БЕК, Александр БОРЩАГОВСКИЙ, Василь БЫКОВ, Борис ВАСИЛЬЕВ, Александр ГЕЛЬМАН, Даниил ГРАНИН, Юрий ДАВЫДОВ, Даниил ДАНИН, Андрей ДЕМЕНТЬЕВ, Михаил ДУДИН, Александр ИВАНОВ, Эдмунд ИОДКОВСКИЙ, Римма КАЗАКОВА, Сергей КАЛЕДИН, Юрий КАРЯКИН, Яков КОСТЮКОВСКИЙ, Татьяна КУЗОВЛЕВА, Александр КУШНЕР, Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ, академик Д.С. ЛИХАЧЕВ, Юрий НАГИБИН, Андрей НУЙКИН, **Булат ОКУДЖАВА**, Валентин ОСКОЦКИЙ, Григорий ПОЖЕНЯН, Анатолий ПРИСТАВКИН, Лев РАЗГОН, Александр РЕКЕМЧУК, Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Владимир САВЕЛЬЕВ, Василий СЕЛЮНИН, Юрий ЧЕРНИЧЕНКО, Андрей ЧЕРНОВ, Мариэтта ЧУДАКОВА, Михаил ЧУЛАКИ, Виктор АСТАФЬЕВ.

В то же время о сторонниках Вице-президента РФ Александра Владимировича Руцкого в интервью газете «Подмосковные известия» от 11 декабря 1993 года, Булат Окуджава высказался так:

Корреспондент: Булат Шалвович, вы смотрели по телевизору, как 4 октября обстреливали Белый дом?

Булат Окуджава: И всю ночь смотрел.

— У вас, как у воевавшего человека, какое было ощущение, когда раздался первый залп?

Корреспондент: Вас не передёрнуло?

Булат Окуджава: Для меня это было, конечно, неожиданно, но такого не было. Я другое вам скажу. С возрастом я вдруг стал с интересом смотреть по телевизору всякие детективные фильмы.

Хотя среди них много и пустых, и пошлых, но я смотрю. Для меня главное, как я тут понял: когда этого мерзавца в конце фильма прижучивают. И я наслаждаюсь этим. Я страдал весь фильм, но все-таки в конце ему дали по роже, да?

И вдруг я поймал себя на том, что это же самое чувство во мне разыграло, когда я увидел, как Хасбулатова и Руцкого, и Макашова выводят под конвоем. Для меня это был финал детектива. Я наслаждался этим. Я терпеть не мог этих людей, и даже в таком положении никакой жалости у меня к ним не было.

И может быть, когда первый выстрел прозвучал, я увидел, что это - заключительный акт. Поэтому на меня слишком удручающего впечатления это не произвело.

Хотя для меня было ужасно, что в нашей стране такое может произойти. И это ведь опять вина президента. Ведь это всё можно было предупредить. И этих баркашовцев давно можно было разоружить и разогнать - всё можно было сделать. Ничего не делалось, ничего!

Корреспондент: А с другой стороны, если бы президент пытался что-то предпринять раньше, демократы первые начали бы заступаться: дескать, душат демократию...

Булат Окуджав: Вот-вот, у нас есть такая категория либеральной интеллигенции, которая очень примитивно понимает нашу ситуацию. С точки зрения идеально демократического общества - да.

Но у нас, повторюсь, нет никакого демократического общества. У нас - большевистское общество, которое вознамерилось создавать демократию, и оно сейчас на ниточке подвешено. И когда мы видим, что к этой ниточке тянутся ножницы, мы должны как-то их отстранить. Иначе мы проиграем, погибнем, ничего не создадим.

Ну а либералы всегда будут кричать. Вот Людмила Сараскина, очень неглупая женщина, выступила с возмущением, что, дескать, такая жестокость проявлена, как можно, я краснею. Пусть краснеет, что же делать.

А я думаю, что если к тебе в дом вошёл бандит и хочет убить твою семью... Что ты сделаешь? Ты ему скажешь: как вам не стыдно, да? Нет-нет, я думаю, что твердость нужна. Мы - дикая страна.

Корреспондент: Президент (*Ельцин*) на встрече с писателями (и это показывали по телевизору) оборонил такую фразу: «Жалко, что не пришел Окуджав»...

Булат Окуджав: Да, а я должен был прийти, но застрял в потоке машин и на час опоздал... Мы с ним были знакомы еще в самом начале перестройки — шапочно, конечно, но несколько раз встречались. Приятно, что президент меня помнит.

Корреспондент: Булат Шалвович, а за какой блок вы отдаете свой голос на выборах?

Булат Окуджав: Я голосую за «Выбор России».

Хотелось бы самому прокомментировать вышеизложенные факты из жизни Булата Окуджавы, но я не его биограф и поэтому не собираюсь больше о его жизни упоминать вообще. Отмечу только одно обстоятельство, которое настораживает в части описания жизни хорошо известных в советском прошлом деятелей культуры, с желанием некоторых «критиков советского режима» добиться, чтобы их роли отражались только в творческом плане, а их политические воззрения не отражались вообще. Почему-то повсеместно навязывается мнение, что их прежние политические взгляды, совсем не отразилось на их творчестве или, что они всегда придерживались тех взглядов, которые они разделяли только в конце своей жизни, когда это стало необходимым условием получения «заслуженных» правительственных наград к своей очередной юбилейной дате.

Не только по моему одному мнению, «политические взгляды Булата Окуджавы, как и любого другого барда, должны обязательно отражаться во всех статьях о них, потому что без этого невозможно понять ни творчества, ни общественной роли, каждого из них, ни того, за что их любят или ценят.

Что касается Булата Окуджавы, то перед смертью из него улетучился даже весь присущий ему атеизм. Возможно, проснулась боязнь, предстать перед Богом, без рекомендации, или какой-то протекции от какого-нибудь авторитетного духовного лица. Он, как был патологическим трусом, ранее прикрывавшийся членством в КПСС, так им и остался, когда, перед самой смертью принял крещение под именем Иоанна.

По некоторым публикациям считается, что он взял это имя, в память о святом мученике Иоанне Воине, по благословию одного из старцев Свято-Успенского Псково-Печерского мужского монастыря. Хотя, что касается этого старца, возник вопрос, почему он, для своего благословения Булата Окуджавы, выбрал такое мало связанное с его обителью место, как город Париж.

Опять пришлось искать источники, в которых кто-нибудь как-нибудь прояснил бы мне приобщение известного барда к православной церкви. Искать пришлось, правда, недолго, но откровения священника Георгия Чистякова (*Георгий Петрович Чистяков, родился 4 августа 1953 года в Москве, умер - 22 июня 2007 года в Москве, священник Русской Православной Церкви, филолог, историк*) меня несколько озадачили и мало того, даже заставляют усомниться, а действительно, всё было именно так:

Священник Георгий Чистяков о Булате Окуджаве:

Как Вергилий в «Божественной комедии» у Данте, он, язычник, провёл нас через ад и подвёл почти что к тому порогу, где ждёт нас Христос... ..Его «Молитву» повторяли тысячи людей, никогда не умевших молиться и не открывавших Евангелие...

Именно поэтому песни Окуджавы не покрываются пылью времен и, берусь это утверждать, как до сих пор действующий исполнитель, эти песни четвертьвековой давности можно исполнять на любой аудитории, несмотря на то, что они известны более, чем что-либо. Они стали настоящими песнями задолго до того, как робкие издатели решились их издать.

Б. Ш. Окуджава представляется и воплощением дорогих всему миру демократических и интернационалистских традиций русской интеллигенции - знаменательно, что в 1993 году в Швецию на торжество вручения Нобелевских премий из России решили пригласить только Дмитрия Сергеевича Лихачева и Булата Шалвовича.

Когда-то много лет назад жена известного барда-шестидесятника Булата Окуджавы - Ольга – приезжала в Псково-Печерский монастырь к известному своей праведностью отцу Иоанну (Крестьянкину). В разговоре с иеромонахом была затронута тема равнодушия Булата Шалвовича к вопросам веры; сам он был некрещёным, да и не думал приобщаться к Церкви.

Всё это очень сильно беспокоило верующую Ольгу. В ответ на её сетования отец Иоанн лишь спокойно заметил:

«Не волнуйся, ты сама его окрестишь». У Ольги округлились глаза: как это она, не имеющая духовного сана, да к тому же женщина, будет крестить своего мужа!

«А вот так и окрестишь!» – загадочно ответил старец. Ольга лишь спросила в растерянности:

«А как же я назову его? Булат ведь имя не православное?» В ответ отец Иоанн сказал:

«А назовешь, как меня Иваном», - и поспешил по своим делам.

Весь этот странный разговор Ольга вспомнила лишь много лет спустя в Париже – и даже не в те дни, когда умирал Окуджава, а уже непосредственно после его смерти: тревожения и скорбь, связанные с кончиной мужа, вытеснили тогда этот случай из её памяти. Только потом, вспомнив всё, она поразилась прозорливости старца.

А произошло вот что: перед самой смертью Булат Шалвович высказал жене во многом неожиданное желание креститься. Окуджава был настолько плох, что звать священника было уже поздно. Ольга знала, что в подобных особых случаях церковь признаёт таинство крещения действительным, даже если его совершил мирянин, - главное, чтобы была искренняя и горячая Вера. Именно таковой и была ситуация в Париже. В ответ на вопрос жены, какое имя он выбирает при крещении, Булат Шалвович сам назвал его: «Иван!».

Так вот и отошел Булат Окуджава в мир иной с именем крещённого во Христе раба Божия Иоанна, через 15 лет после прозорливых слов отца Иоанна (Крестьянкина) – архимандрита Псково-Печерского монастыря, знавшего, что именно так все и случится.

Отпевали Булата Окуджаву в московском храме святых бессребреников Космы и Дамиана в Столешниковом переулке...

Его проводили и оплакали многие друзья, товарищи, почитатели таланта. Но более всех, искреннее всех горевала о нём провинциальная интеллигенция - учителя, врачи сельские, газетчики, жители и служители городских окраин, которые чтут и помнят не только родство, но и певца, посланного Богом для утешения и просветления вечно тоскующей о чём-то русской души. (*Материалы о крещении Булата Окуджавы мной взяты с сайта «Любовь и красота» <http://privetvse.narod.ru/bylatokyd.html>, со ссылкой на статью Юрия Поста*)

Ну, что теперь сказать, верить ли священнику, или не верить? Ведь то, что он нам рассказал, никогда не проверишь, и старца не расспросишь. Да и священник Чистяков

повторил только чужие слова. А Ольга Арцимович, всё-таки вторая жена, и на что не пойдёшь, чтобы разделить посмертную славу известного всем человека.

Правда, нашлась и вторая версия о крещении Булата Окуджавы в книге о нём Дмитрия Львовича Быкова, в одноимённой главе «Крещение».

Там разговор Ольги Арцимович со старцем описан короче, но с подробностями на все случаи из жизни, если возникнет желание принять крещение в самый неподходящий момент и в самом неподходящем для этого месте, причём с использованием любой воды:

«...Лет за десять до этого Ольга Окуджава побывала у старца Иоанна Крестьянкина – он согласился её принять и беседовал с ней два часа. Во время этого разговора в ответ на упоминание об атеизме её мужа Крестьянкин вдруг сказал:

«Ино жена мужа ругает-ругает, да сама и окрестит. Святой водой, а нет святой – то и кипяченой. А кипяченой нет – то из-под крана».

Окрестив мужа, Ольга дала ему имя Иоанн – в честь Крестьянкина, предсказавшего это крещение; впрочем, он и сам давно называл себя в автобиографических рассказах Иваном Ивановичем...» (*Прочитать полностью книгу Дмитрия Быкова «Булат Окуджава» можно на сайте lib.rus.ec/Книги/147790/read*).

Так, что крестили Булата Окуджаву при жизни или нет? - вопрос остаётся открытым, и всем, рассказавшим об этом, Бог теперь судья, а моё мнение, как «Фомы неверующего», можно вообще не учитывать в этом и так чересчур деликатном деле. И всё-таки как-то высказаться о жизни Булата Окуджавы, я попробую, хотя бы в короткой песне о его последних днях:

Как можно в Господа, так верить,
От всех скрывая этот факт,
Да так, что путь земной отмерив,
С Ним заключать идти контракт.

Кто был Булатом Окуджавой,
Женой Иваном окрещён,
Водой из крана пусть не ржавой,
Когда смерть сняла капюшон.

Париж – такое захолустье,
Там нет священников совсем,
И чтоб к кресту там прикоснуться,
Поехать нужно в Вифлеем.

Поверить в это, невозможно,
Но жёнам бардов, как не врать,
Ведь барды ввали всем безбожно,
Что им не страшно умирать.

Что касается Владимира Высоцкого, который при жизни не давал повода, чтобы его куда-то включали или его именем прикрывались, приписывая ему какие-то политические воззрения, то и он после смерти не избежал участи, причисления к когорте диссидентов и ревизии его творчества в выгодном, для этой категории лиц, ключе. Но эта политическая шелуха к нему после смерти не пристала, хотя «наследство» Владимира Высоцкого его родственниками и «друзьями», растасканное по частям, оказалось разменной монетой для многих из тех, кто захотел «присосаться» к его славе или на его славе заработать.

Не будем углубляться в воспоминания его «близких» и «самых близких» друзей, остановимся на воспоминаниях последней жены Владимира Высоцкого Марины Влади и его родителей Семёна Владимировича Высоцкого и Нины Максимовны Высоцкой.

Скажем также несколько слов о внебрачных связях Владимира Высоцкого, хотя бы потому, что некоторые любовницы, считают себя в праве называться его гражданскими жёнами.

Марина Влади: «в день похорон, и каким она хотела видеть памятник Владимиру Высоцкому на его могиле» («Владимир или прерванный полёт», М., Прогресс, 1989, стр.165-169,171):

«...Как и во всех больших городах, в Москве больше не хоронят на центральных кладбищах. Только в исключительных случаях. А вообще-то надо ехать за город очень далеко. Там и хотели власти похоронить моего мужа. Мы не согласны.

Мои друзья и я считаем, что его могила должна находиться в самом сердце города, где он родился. Мы направляемся целой делегацией к директору Ваганьковского кладбища. Оно находится в нескольких шагах от нашего дома. Настоящий сад окружает красивую старую церковь. Приезжает Иосиф Кобзон.

Как только директор впускает его к себе в кабинет, он говорит: «Нужно место для Высоцкого» - и протягивает ему пачку сторублевых, целое состояние. Срывающимся от рыданий голосом директор кладбища говорит:

- Как вы могли подумать, что я возьму деньги? Ведь я любил его!..

Он уже приготовил лучшее место, как раз в середине площадки, у входа, чтобы сюда могли приходиться люди поклониться.

Этот добрый человек даже не мог себе представить, насколько удачно он выбрал место...

Как всё было на самом деле установить трудно, хотя бы потому, что этот «добрый человек» не сразу указал место, где можно похоронить Владимира Высоцкого, потому что, как говорит, Валерий Натанович Нусанов, когда 26 июля мы (Марина Влади, Иосиф Кобзон, Володя Шехтман, Митечка Виноградов и я) приехали на Ваганьковское кладбище, «директор долго водил нас по окраинам... потом Кобзон зашёл с ним в кабинет – и мы получили это место...».

...Я провожу ночь, сидя у тебя в изголовье, погружившись в воспоминания. Будущее для тебя кончилось. Своё будущее я плохо представляю. Всё, что я делала в эти несколько часов, я делала вместе с тобой. Один на один.

И теперь приходят друзья, чтобы положить тебя в гроб. Накатывает горе - волна за волной. Плач, крики, шёпот, тишина и сорванные от волнения голоса, повторяющие твоё имя.

Пришли все. Некоторые приехали с другого конца страны, другие не уходили с вечера. Дом наполняется и, как в большие праздники, балконы, коридор, лестничная площадка полны людей. Только все это - в необычной, давящей тишине.

Приносят гроб, обитый белым. Тебя осторожно поднимают, укладывают, я поправляю подушку у тебя под головой. Твой врач Игорёк спрашивает меня, может ли он положить тебе в руки ладанку. Я отказываюсь, зная, что ты не веришь в Бога. Видя его отчаяние, я беру её у него из рук и прячу тебе под свитер. Гроб ставят в большом холле дома, чтобы все могли с тобой проститься.

В пять часов утра начинается долгая церемония прощания. Среди наших соседей много артистов и людей, связанных с театром. Они идут поклониться тебе. И ещё - никому неизвестные люди, пришедшие с улицы, которые уже всё знали.

Москва пуста. Олимпийские игры в самом разгаре. Ни пресса, ни радио ничего не сообщили. Только четыре строчки в «Вечерке» отметили твой уход.

Мы уезжаем из дома на «скорой помощи» с врачами реанимации, которые так часто вытягивали тебя. Мы приезжаем в театр, где должна состояться официальная церемония.

Любимов отрежиссировал твой последний выход: сцена затянута чёрным бархатом, прожекторы направлены на помост, одна из твоих последних фотографий - чёрно-белая, где, скрестив руки на груди, ты серьёзно смотришь в объектив, - висит, огромная, над сценой.

Траурная музыка наполняет зал. Мы садимся. Я беру за руку твою бывшую жену, и мы обе садимся рядом с вашими сыновьями. Прошлое не имеет сейчас никакого значения. Я чувствую, что в эту минуту мы должны быть вместе.

Надлежащим образом проинструктированная милиция установила барьеры, улицы заполняются людьми. Перед театром образуется очередь. Мы слышим приказы, передаваемые по рации. Вокруг театра полно милиции.

Я поднимаюсь в кабинет Любимова. Он бледен, но полон решимости. Он не отдаст эту последнюю церемонию на откуп чиновникам. Он хочет, чтобы говорили только друзья. В конце концов, официальные лица сдаются. Никакой неискренности не будет в этой последней встрече.

Я возвращаюсь в зал, двери открывают - и потекла толпа. Москвичи пришли проститься со своим глашатаем. Тысячи лиц отпечатались у меня в памяти, каждый несёт цветы - сцена вскоре вся усыпана ими, и сладковатый запах ударяет в голову.

Люди видят нас, опускают глаза, прижимают руку к сердцу, многие плачут. Мы слышим с улицы возмущенные возгласы и крики, перекрывающие реквием: мне говорят, что квартал оцеплен, что милиции приказано не пускать людей, что «им» надо побыстрее закончить с похоронами.

Мне это безразлично. Я смотрю на твое лицо, я немного заgrimировала тебя, потому что сегодня утром на рассвете лицо показалось мне совсем белым. Я заполняю свою душу этими дорогими чертами, я запоминаю их навсегда. Усталость, горе, звуки шагов вызывают нечто вроде галлюцинации. У меня впечатление, что ты дышишь, что у тебя шевелятся губы и приоткрываются глаза. Петя берет меня за плечи. Я прихожу в себя. Надо держаться.

Врач - один из друзей - протягивает мне стакан с каплями нашатыря. Я смотрю вокруг, впечатление, что я снимаюсь в фильме и сцена закончится сейчас коротким режиссерским «стоп!».

Толпа продолжает склоняться перед гробом в течение долгих часов. Потом отдают распоряжение вынести гроб.

Шестеро друзей несут гроб к выходу. Меня окружают близкие. На улице бьет в глаза яркий свет. Волнуется людское море, растянувшееся на километры. И над толпой поднимается твой голос - сотни людей взяли с собой магнитофоны и включили свои любимые песни.

Мы садимся в автобус, гроб стоит в проходе, мы все сидим, как школьники, уезжающие на каникулы.

Любимов машет большим белым платком людям, собравшимся на крышах, на каменных оградах, некоторые залезли на фонари.

Автобус трогается. И часть огромной толпы бежит за автобусом до самого кладбища. Меня охватывает истерический смех, потому что из-за рытвин на дороге гроб подпрыгивает и твоё тело соскальзывает. Нам приходится укладывать тебя обратно.

Мы приезжаем на кладбище, на песчаную площадку, где в последний раз можно тебя поцеловать. Мне все труднее справляться с нервами. От вида искаженных болью лиц мне снова хочется захохотать. Может быть, я слишком много плакала?.. Я последняя наклоняюсь над тобой, прикасаюсь ко лбу, к губам.

Закрывают крышку. Удары молотка звучат в тишине. Гроб опускают в могилу, я бросаю туда белую розу и отворачиваюсь. Теперь надо будет жить без тебя...

...Двадцать шестого июля я вхожу в твой кабинет. Единственное место, оставшееся нетронутым, - это рабочий стол. Все остальное перерыто, переставлено, переложено. Не осмелились только прикоснуться к рукописям. И когда я машинально укладываю в чемодан сотни листочков и передаю его одному из друзей, чтобы он спрятал, я ещё не знаю, что просто спасаю твои стихи. В последнюю минуту родители, очевидно, не решились подвергнуть цензуре и уничтожить то, что ты написал своей рукой.

И этот мой поступок, понятый позже, как воровство, позволил мне передать в ЦГАЛИ всё, что ты создал бессонными ночами за годы тяжкой работы.

Я привезла этот маленький чемодан однажды утром в обычное серое здание, где и располагается архив. Там меня ждала группа женщин, которые, как только я вошла, по очереди обняли меня. У них в руках были букеты цветов, лица покраснелись от жары и волнения, некоторые плакали.

Директриса, спотыкаясь на словах, поблагодарила меня за этот поступок, который все они поняли, как самый чистый знак любви к тебе и к России.

Как единственная наследница твоего творчества, я могла увезти все это за границу. Но я знаю, что никто не будет так внимательно и преданно хранить твои рукописи, как эти женщины. Я без колебаний оставила их у тебя на Родине. Я уверена, что ты хотел бы, чтобы это было именно так.

После похорон я возвращаюсь в Париж. Ища, на чем бы записать номер телефона, я нахожу твое последнее письмо...

...Дата не проставлена, но я знаю, что оно написано до одиннадцатого июня восьмидесятого года:

«Мариночка, любимая моя, я тону в неизвестности. У меня впечатление, что я смогу найти выход, несмотря на то, что я сейчас нахожусь в каком-то слабом и неустойчивом периоде.

Может быть, мне нужна будет обстановка, в которой я чувствовал бы себя необходимым, полезным и не большим.

Главное - я хочу, чтобы ты оставила мне надежду, чтобы ты не принимала это за разрыв, ты - единственная, благодаря кому я смогу снова встать на ноги. Ещё раз - я люблю тебя и не хочу, чтобы тебе было плохо. Потом всё встанет на своё место, мы поговорим, и будем жить счастливо. Ты. В. Высоцкий».

Подпись «Ты», которую мы использовали в нашей переписке, появилась после того, как мы с тобой услышали однажды одну красивую индийскую притчу.

В день свадьбы невеста заперлась по обычаю в новом доме. Спустилась ночь, жених стучит в дверь, она спрашивает:

«Кто там?» Он отвечает: «Это я». Она не открывает. И так проходит много дней, и она не хочет открыть. Наконец, он снова приходит однажды вечером.

Она спрашивает: «Кто там?» Он отвечает: «Это ты». Она открывает ему дверь и своё сердце...
...Вот уже много лет непрерывный поток людей идёт к могиле. Молодые кладут сюда букеты, как на могилу Неизвестного солдата, другие приносят по обычаю немного коньяка, яблоки, пироги, некоторые оставляют здесь свою гитару. Стихи сотнями приколоты к букетам, которые каждый день собираются в горы цветов.

Директор потерял своё место. Может быть, власти не простили ему устроенного скандала?..
Могилы поэта Владимира Высоцкого в самом центре Москвы стала местом паломничества миллионов советских людей...

По поводу памятника на могилу между Володиной семьей и мной разразился скандал. В одном из стихов, названном «Памятник», Высоцкий оставил что-то вроде завещания, где ясно сказано, чего бы он не хотел видеть на своей могиле.

Давид Боровский - он около пятнадцати лет работал с Володей – устроил по моей просьбе выставку проектов памятника.

На мой взгляд, ничто так не напоминает блестящую и такую недолгую жизнь Владимира Высоцкого, как отколовшийся кусок звезды, оплавившийся в воздухе, оставивший огненный след в небе и завершивший свой стремительный полёт на могиле поэта. Прямоугольник земли, выступающая из него необработанная порода, сверху - метеорит. И небольшая надпись – «Владимир Высоцкий». И даты.

К несчастью, это не подходило родителям. Они отвергли мою идею, варварскую и непонятную для них, под предлогом того, что эта тяжесть раздавит их сына. Им нужен был монумент во весь рост, хорошо узнающийся.

Я надеялась, что конкурс поможет нам найти компромисс. Более тридцати работ *были* выставлены в фойе театра. Скульпторы вложили в работу всю душу, каждый по-своему воздавал должное памяти моего мужа.

Мы долго рассматривали каждое произведение, это было печально и прекрасно, но каждый выбирает по себе - и родители остановились на очень похожей скульптуре во весь рост. Вся фигура обернута развевающимся знаменем, над головой - гитара, наверху - двухметровой высоты лошади из золоченой бронзы. Ни на одном из проектов мы не сошлись. Я защищала свой выбор, ссылаясь на стихи моего мужа, доказывая, что само расположение могилы со старой церковью сзади, деревьями и в окружении других могил не позволяет устанавливать высокую скульптуру. Потом я сказала, что Высоцкий был поэтом, артистом, а не Героем Советского Союза и что воинственная и реалистическая скульптура, выбранная родителями, будет противоречить его образу. Изображение не нужно ещё и потому, что сохранились фотографии, фильмы, видеокассеты...

Но никакого решения принято не было. Через пять лет положение оставалось прежним. Я должна сказать совершенно искренне, что состояние могилы вселяло в меня радость: горы свежих цветов, меняющихся каждый день, зимой и летом, руками друзей, - что может быть лучше?..

Ноябрь восемьдесят пятого года. Мне только что сообщили, что памятник установлен. Отныне на твоей могиле возвышается наглая позолоченная статуя, символ социалистического реализма - то есть то, отчего тебя тошнило при жизни. И поскольку она меньше двух метров в высоту, у тебя там вид гнома с озлобленным лицом и гитарой вместо горба, окруженного со всех сторон мордами лошадей. Это уродливо, не лезет ни в какие ворота и просто смешно. На цоколе надпись: «От родителей и сыновей».

К счастью, меня не втянули в этот скандал. Открытие происходило только в присутствии родителей. Не было никого из моих друзей. Фарс продолжается...

Этот пьяница, этот антисоветчик, этот отступник, этот бесталанный человек, этот мерзавец, этот враг, этот сумасшедший, этот плохой сын, этот отвратительный отец, этот опустившийся человек, который якшается с иностранкой, - это ваш сын, Семён Владимирович. Этот перевозносимый публикой актер, этот всеми признанный творец, этот человек, страстно влюбленный в родную землю, неутомимый труженик, патриот, ясновидец, лишённый общения с детьми отец, терпеливый и снисходительный сын, человек, свободный и счастливый в своей личной жизни, - это тоже ваш сын, Семён Владимирович.

Ваши медали, тяжело заработанные на войне, не дают вам сегодня права извращать истину. Вы никогда ничего не понимали. Песни вашего сына только резали вам слух. В вашем кругу его образ жизни считали скандальным. И вы предали его. И даже, если вы не понимаете размеров вашего деяния, этот поступок был вдвойне преступлением: вы оклеветали человека, и это был ваш собственный сын.

В течение двенадцати лет я старалась примирить вас. Но вас волновало лишь собственное спокойствие. Вы хотели, чтобы его творчество не выходило за общепринятые рамки. Вы никогда по-настоящему не интересовались произведениями вашего сына. Вы никогда не понимали его борьбы, потому что она не вписывалась в ваше представление о жизни.

Во время наших ужасных споров о памятнике на могиле меня поразила одна вещь. Вы несколько раз намекали мне, что ваше последнее пристанище будет рядом с сыном. Я ответила

резко, что это все-таки могила, а не коммунальная квартира. Но от вашей неожиданной известности, ежедневных знаков народного обожания по отношению к вашему сыну, вы вошли во вкус почестей. Поставив этот абсурдный памятник, вы готовитесь высечь там своё имя. Вы, который никогда не поддерживал вашего сына в борьбе за правду, готовитесь разделить с ним посмертную славу...» (Полностью книгу Марины Влади «Владимир или прерванный полёт» можно прочитать на сайте: <http://bookz.ru/authors/marina-vladi/vladym01/page-15-vladym01.html>).

Насколько можно доверять воспоминаниям Марины Влади, Иосифа Кобзону и Валерия Нисанова, можно судить по статье Бориса Кудрявова, опубликованной в «Экспресс газете» 25 августа 2010 года, с «сенсационным» названием «Высоцкого похоронили в чужую могилу!» Хотя и с оговоркой, набранной шрифтом помельче, что в этом «уверена бывший бухгалтер Ваганьковского кладбища Ирина Кретьева»:

Со дня смерти Владимира Высоцкого прошло 30 лет. Могила барда находится в одном из самых престижных мест Ваганьковского кладбища. Удивительное дело, - при всех прижизненных сложностях между властями и «хозяином» могилы, каким-то чудом его похоронили именно в ЭТОМ месте на виду у всего честного люда! КТО, ЧТО за этим стоит? - выяснял наш обозреватель Борис КУДРЯВОВ.

В своей книге «Владимир, или Прерванный полет» Марина Влади так описывает ситуацию с могилой Высоцкого:

«Мы направляемся целой делегацией к директору Ваганьковского кладбища. Оно находится в нескольких шагах от нашего дома. Приезжает Иосиф Кобзон. Как только директор впускает его к себе в кабинет, он говорит: «Нужно место для Высоцкого» - и протягивает ему пачку сторублевок, целое состояние. Срывающимся от рыданий голосом директор кладбища говорит:

- Как вы могли подумать, что я возьму деньги? Ведь я любил его!..

Он уже приготовил лучшее место, как раз в середине площадки, у входа, чтобы сюда могли приходиться люди поклониться. Этот добрый человек даже не мог себе представить, насколько удачно он выбрал место.

Директор потерял свое место. Может быть, власти не простили ему устроенного скандала?..»

Как Кобзон поссорился с Мариной Влади

Иосиф Кобзон так комментирует те давние события:

«Директором кладбища был бывший мастер спорта по футболу... Кстати, то, что пишет Марина Влади про это в своём «Прерванном полете», - враньё. Было, что я полез в карман за деньгами, но никаких тысяч я даже достать не успел. Он остановил мою руку:

«Не надо, Иосиф Давыдович! Я Высоцкого люблю не меньше вашего...»

Марины Влади ещё не было в Москве, а она пишет:

«Мы пошли, (якобы мы с ней), выбирать место для Володи». Да её близко там не было! Когда я её встретил, сказал:

«Ну как тебе не стыдно?» Она говорит:

«Иосиф, это же книга. У книги должны быть читатели!»

Я говорю:

«Ну, нельзя же так бессовестно привлекать читателей! Нельзя же так врать!» Я с ней поссорился...»

«Барда похоронили в чужую могилу!»

Мне удалось разыскать бывшего кладбищенского кассира Ирину Кретьеву. Ей слово:

- Нам, кладбищенским работникам было известно, что место под могилу Высоцкого отвели в захудалом углу кладбища. Там и начали могилу копать. Но потом, смотрим, почти у самого входа тоже стали землю рыть. Для кого - непонятно? Где именно будут хоронить Высоцкого, стало известно только перед тем, как гроб с телом на кладбище привезли.

Во время самих похорон вокруг кладбища творилось что-то невообразимое: люди залезали на деревья, ограды могил. Их оттуда стаскивали, запикивали в «воронки» и увозили в неизвестном направлении.

- У места этого, ну, то есть, где похоронен Высоцкий, на самом деле жутковатая история. Когда-то там находилась полузаброшенная могила. Кладбищенские об этом знали. Потом вдруг обнаружилось, что в ней захоронен сын одной старушки. В 1979 году старушка эта уезжала из Москвы в свою деревню, куда-то под Калугу. И попросила дирекцию кладбища провести изъятие

тела. Захотела забрать останки сына с собой. Эксгумацией занимался кладбищенский смотритель Юрий Бояров. Все ж на моих глазах происходило: старый гроб вырыли, косточки собрали, переложили в маленький такой гробик и увезли.

Так освободилось место. Но занимать его не стали. Каким-то образом тогдашнему директору удалось огородить участок от посторонних. Он там оградки с соседних могил чуть-чуть подвинул. Вроде место свободное появилось, а посмотреть его практически нельзя было. Это сейчас там просторно. А в 80-м году все было по-другому. Именно там Высоцкого и захоронили.

- Сейчас место под могилу на Ваганьковском кладбище стоит около полутора миллионов рублей. В колумбарии - 700-800 тысяч рублей. Но без разрешения Моссовета там по-прежнему хоронить нельзя.

В 80-м году кладбищенская земля стоила фактически копейки. Хорошо помню: 13 рублей 50 копеек - рытье могилы, 80 копеек - восстановление холма, 50 копеек - изготовление трафарета. И еще какие-то деньги по мелочам. Вот все это вместе, - считайте, и стоила тогда могила на Ваганьковском. В общей сложности рублей 25 кажется выходило.

Ольга Боярова: «Место под могилу Высоцкого дал мой муж»

«Юры давно нет в живых» - начала разговор со мной вдова кладбищенского смотрителя Ольга.

- Владимира Семёныча хотели похоронить в дальнем углу кладбища, чуть ли ни у помойки. Юра мой хорошо понимал, что если Высоцкого похоронят в том месте, то народ всё кладбище перетопчет. С другой стороны, ему пришлось принимать решение практически одному, директора кладбища Олега Устинкова в это время на месте почему-то не оказалось. То ли он в отпуске был, а, может, болел.

Какой-то человек из руководства Моссовета позвонил и сказал, что Высоцкому нужно дать место в дальнем углу кладбища. Муж туда пошёл, посмотрел. И даже поставил рабочих могилу копать. Но потом решил по-другому. - Ведь именно смотритель принимает решение по выбору места под могилу.

- А про Кобзона ваш муж ничего не рассказывал?

- Кобзон приехал тогда самым первым и предложил Юре какую-то большую сумму. Но это произошло уже после звонка из Моссовета. Вместе с Кобзоном была Наталья Фатеева. Муж сначала испугался. Деньги брать не стал. Потом я приставала к нему с расспросами - толстая ли пачка? Юра недвусмысленно давал понять, что на машину там было.

Неприятности у него начались сразу после похорон Высоцкого. Какие-то люди из руководства города всё время приставали к нему с вопросами:

«Как ты посмел? Сколько тебе заплатили?» - Считали, что он поступил своевольно. Юра пытался объяснить, что выбрал место под могилу Высоцкого из чисто хозяйственных соображений. Похороны его в другом месте, кладбищу был бы нанесён существенный ущерб.

Время показало, муж прав - многие годы к могиле шли огромные толпы людей. Ему же открыто тогда дали понять, что следует сменить место работы. Мучился он страшно, переживал, даже заболел. Юра умер в 1998 году от рака в 52-летнем возрасте.

Сам он был фанатом Высоцкого - всегда под рукой куча его пластинок, кассет магнитофонных. Так всё и валяется где-то на даче. Вместе с визитной карточкой Кобзона.

Бывший директор Ваганьковского кладбища Олег Устинков: «Володя выбрал место под свою могилу сам!»

Этого удивительного человека я нашел почти случайно - бывший директор одного из самых престижных кладбищ Москвы Олег Моисеевич Устинков живёт в дальнем Подмосковье. Благодаря этому человеку могила Высоцкого находится именно там, где находится.

- Высоцкого я увидел впервые ранней весной 1979 году. Месяц точно не помню. Но снег ещё лежал. Он приезжал вместе с Мариной Влади на кладбище. Сидели в моём кабинете. Пили чай. Помню, Володя обратил внимание на настенный календарь. - Он был церковный. Хотя комитетчики запрещали нам тогда религиозные атрибуты.

«Интересно, - спросил Высоцкий, - вы что верующий?»

«Ведь рядом с людским горем приходится работать», - ответил я.

Я сразу почувствовал, что с Володей можно говорить на любые темы. - Глаза у него были очень живыми. Высоцкий с Влади интересовались насчёт возможного захоронения какого-то своего умершего друга. Мы даже ходили присматривали место для могилы. Проходили и мимо того места, где теперь могила самого Высоцкого. Отчётливо помню его искромётный взгляд в ту сторону. Край ведь всегда считался особым местом на кладбище. - Любая могила на виду. Хотя в ту пору там лишь оградки торчали.

После войны заброшенных могил на кладбище было без счёта. Но свободного места практически не было. Правда, в одном месте между соседними оградами образовалась дыра.

Человек там пролезал. Но для того, чтобы выкопать новую могилу, нужно было чуть сместить несколько старых оградок. Раньше ведь как было - раз оградка стоит, значит, чьё-то место. Неважно, что на могилу годами не ходят. Выходит, Высоцкий как бы сам выбрал себе место на Ваганьковском. Именно там, куда он смотрел, его и похоронили.

Помню, Марина в полушутку полувсерьёз неожиданно произнесла, что тоже хочет быть похороненной на этом кладбище. Нравилось ей тут почему-то. С той встречи я стал к этому месту присматриваться особо. Вместе с Юрой Бояровым мы даже придумали кое-что.

- Как же вам удалось заполучить такое место - директора престижного Ваганьковского кладбища?! Наверное, «мохнатая рука», как говорили в советские времена?

- (смеется.) Попал я туда в 1974 году. Отработал ровно восемь лет. Говорили, что попасть на Ваганьковское, все равно, что пост министра получить. На самом деле, меня туда чуть ли ни насильно затащили!

Знаешь, почему? Потому что не пил. И не воровал. А Ваганьковское в наших кругах считалось жутким кладбищем. - Номенклатура на номенклатуре! Перед моим приходом туда Фурцева, говорят, многих директоров пересажала.

В первое время я за голову схватился: бандюганы, блатные, хоккеисты знаменитые, футболисты известные толпами валили в мой кабинет. И все деньги суют. Выпить предлагают. Сам я в футбол никогда не играл.

Порядок я там, конечно, со временем навёл. В Моссовете стал на хорошем счету. Хотя обстановка вокруг о-хо-хо: комитетчики следят, милиция все время дергает.

24 июля я из Москвы уехал на дачу. «Юр, - говорю Боярову, - если будет какое ЧП, звякни тут же мне». 25-го или 26-го, уже точно не помню, по «Голосу Америки», я услышал о смерти Высоцкого.

«Юра, ты сам знаешь, где Володю хоронить. А я приеду, разберёмся», - позвонил я Боярову.

Местечко, где сейчас покоится Володя, было у нас на особом счету.

Возвращаюсь в Москву. Прибегает Митрохин Владимир Петрович. - Глупый, малообразованный человек был. Но работал он заместителем начальника Управления коммунального обслуживания населения при Моссовете. Должность о-го-го какая!

«Ты что, обалдел! - заорал он с порога. - Этого хрипатога идиота в центре кладбища хоронить надумал? Давай его на 60-й участок. Приказ такой получен!»

«А как я людям в глаза смотреть потом буду? Это место уже все его друзья видели, утвердили же», - отбрыкиваюсь я. А сам думаю, завтра уже похороны, - что делать? И поставил копать могилы в двух местах: там, где сейчас последнее пристанище Высоцкого и на дальнем участке кладбища.

В день похорон милиционеров понагнали, будто царя хоронят. Полное оцепление Ваганьковского. Да, еще тыщу человек держали в резерве на случай беспорядков в Краснопресненском парке. Огромное количество людей в голубых рубашках - понятно кто.

Митрохин шагу мне не давал сделать. Ходил по пятам прямо. Не поверишь, в туалет у него отпрашивался. Но на какое-то время он меня из виду упустил. Как в детективе, я вылез через окно туалета и бросился к группе начальников, стоявших неподалеку от центрального входа. В голове одна мысль - что сказать, где же хоронить? Все решали считанные минуты. Гроб вот-вот должны были привезти на кладбище.

Стоят: бывший первый секретарь Краснопресненского райкома партии Игорь Борисович Бугаев, который в тот период уже работал в горкоме партии. Его-то и сделали ответственным за похороны Высоцкого от московских властей. Смотрю, у него руки трясутся. Во, думаю, довели человека. А сам всё о своём: что же придумать-то? Дальше в свите - первый секретарь Краснопресненского райкома КПСС Федор Федорович Козырев-Даль, милицейский начальник полковник Оржеховский.

И тут мысль в голове, - как током прошло. Подхожу к начальству и говорю:

«Был звонок из секретариата Андропова. Хоронить на том месте, которое показали Кобзону».

Тут подлетает Митрохин:

«А кто звонил?» «Мне не докладывали», - нашёлся я. И неожиданно выручил полковник Оржеховский:

«Правильно. И нам здесь легче порядок обеспечить».

И все. - Дело было сделано. Мыслил я так - пусть выгонят, но совесть моя будет чиста.

Привезли гроб. Беру пятерых могильщиков. Идём к могиле. Вокруг милиционеры какие-то запуганные стояли. Будто не понимали, что им делать? А народ прёт со всех сторон.

Закопали Володю. И народа повалило ещё больше. Люди шли всю ночь. Цветов набросали!!! - Могилы видно уже не было. Несколькими самосвалами потом увозили.

После той первой встречи с Высоцким я рассказал Юре Боярову, как Володя смотрел на предполагаемое место захоронения своего друга. Мы пошли туда, внимательно все посмотрели. И решили сделать выгородку из старых кладбищенских оград, чтобы закрыть проход в возможное место нового захоронения. Пусть со стороны кажется, что хоронить там нет никакой возможности. Мы как бы интуитивно приберегали это место для какого-то экстренного случая.

Не скрою, могила «майора Петрова» - тоже наше с Юрой Бояровым изобретение. Вокруг неё шума потом было много. Но уже после Володиной смерти. - Ходили слухи, будто кто-то специально могильный холмик насыпал за одну ночь, чтобы фанатам Высоцкого досадить. - Глупость, конечно.

Ложную могилку мы соорудили задолго до смерти Высоцкого. От фонаря, как говорится: сами холмик насыпали, поставили табличку «Кинорежиссер Петров А.С.», - чтобы никто в эту свободную зону не забирался. Меня потом Нина Максимовна, (мать Владимира Высоцкого - Б. К.), даже спрашивала, что, мол, это за могилка такая неухоженная?

Через некоторое время после похорон Высоцкого приходит из Управления «телега» - мол, что у вас там за бардак, могила знаменитого кинорежиссера в непотребном виде. Мы опешили. Наворочали дел, как говорится, на свою голову. Потом стали ходить разговоры, будто Высоцкого захоронили в чужую могилу.

Может, потому, что «могила» «майора Петрова» рядом находилась? И её небольшой холмик стал регулярно исчезать с лица земли. Его просто затаптывали. А мы восстанавливали. Позже, поняв, что с народом бороться бесполезно, я приказал «могилку» эту снести окончательно. Удивительно - но она стала возрождаться - появлялась вновь и вновь. Видимо, это делали какие-то сердобольные люди.

После похорон Высоцкого я ещё проработал на кладбище два года. Признаюсь, из-за его могилы не раз приходилось выслушивать вольные, даже оскорбительные наезды со стороны высоких партийных чинуш. Мол, какого-то хрипатого вон как похоронил, а наших не хочешь!

И кто-то на меня все же гебешникам «капнул». Может, Митрохин? Видно, разузнали они, что никакого звонка по поводу захоронения Высоцкого из секретариата Андропова не было.

Заходит в кабинет расстроенный управляющий нашего треста Михаил Владимирович Попков: «Тебя срочно увольняют. Из Моссовета звонили. Намекают: якобы, через Селезнева - начальника Управления коммунального хозяйства Моссовета тебе была дана команда хоронить Высоцкого на 60-м участке. А ты ослушался. Похоже, кому-то в верхах не нравится, что Высоцкий лежит у нас на самом видном месте».

Но мне уже нечего было терять - главную свою задачу по жизни я выполнил сполна - мы похоронили Володю туда, где он сам хотел лежать (*Борис Кудряков, «Экспресс газета» от 25 августа 2010 года, <http://www.eg.ru/daily/stars/21164/>*).

Даже не хочется останавливаться на многих несоответствиях в рассказах об участии в организации похорон Владимира Высоцкого, Иосифа Кобзона, смотрителя (со слов его жены и директора кладбища) и самого директора кладбища, особенно директора, хотя благодаря рассказу кассира кладбища, кое-что проясняется, но не настолько, чтобы в это можно было бы безоговорочно проверить. На пятидесятилетие со дня смерти Владимира Высоцкого таких подробностей, при таких подходах к расследованию многих «тёмных», т.е. малоизученных сторон его жизни, может набраться на целый энциклопедический том.

Это может касаться, как трёх жён и многочисленных любовниц Владимира Высоцкого, так и его отношения к религии.

Но вернёмся к воспоминаниям Марины Влади. Спустя более чем двадцать лет, после выхода её книги на неё была опубликована Виктора Бакиным (Латвия) «рецензия», размещённая на сайте http://v-vysotsky.narod.ru/statji/2010/Prervannyj_poliot/text.html, которую уже обсудили и многие осудили в Интернете, и мало того Анатолий Олейников даже на сайте <http://www.sibfond.com/Fond/Nashi-publikatsii/A-PRAVDY-NET-KOGDA-NE-NAPOKAZ> опубликовал «рецензию на рецензию». Писать рецензии на всякие рецензии надо иметь большой талант, поэтому я не буду этого делать, а только отмечу нечто заслуживающее нашего внимания, у каждого автора из их «оригинальных рецензий».

Как отмечает Виктор Бакин (*кстати, уже издавший книгу «Неизвестный Высоцкий», М., Алгоритм, 2011, где эта его рецензия озаглавлена, также, как и книга самой Марины Влади - «Марина Влади - Владимир, или Прерванный полёт», стр. 265-306*):

«...В конце 1987 года М.Влади через журнал «Огонёк» уведомила советскую печать о том, что «публикация её будущей книги возможна только в том издательстве, с которым она будет связана официальным договором. Ибо как ни приятны справедливые, но посмертные почести Владимиру Высоцкому, лучшей памятью о нём будет правда и только правда».

Экземпляры своей книги на французском языке она подарила Всеволоду Абдулову, Белле Ахмадулиной, Вадиму Туманову, Раисе Горбачёвой (*жене генерального секретаря ЦК КПСС*

М.С.Горбачёва).

Через пять месяцев после выхода книги в издательстве «Fayard» - к апрелю 1988 года - книгу М.Влади на русский язык первой перевела ленинградская переводчица Нина Кирилловна Кулакова. Это был буквальный перевод французского издания «VLADIMIR ou le vol arrêté».

Н.Кулакова: «Мною сделан перевод главным образом для членов моей семьи и близких друзей. Вероятно, он нуждается в литературной обработке, но мне хотелось, как можно полнее сохранить стиль и манеру автора даже в ущерб литературности».

Этот перевод стал быстро перепечатываться и размножаться в машинописных вариантах...

В это же время Влади вместе с подругой Юлией Абдуловой адаптируют французский вариант книги для русскоязычного читателя. После выхода книги во Франции, автору указали на ошибки, касающиеся, прежде всего, фактов биографии Высоцкого и слишком предвзятых характеристик некоторых персонажей из его окружения.

Друзья Высоцкого уговаривают её выбросить или исправить какие-то места в тексте.

Г.Д.Антимоний: «Мы ей стали говорить: зачем ты пишешь про водку, про наркотики - всё это можно убрать. Она ответила:

«Ничего я убирать не стану. Во Франции я получаю много писем из народа, и никто на это не обращает внимания».

Однако что-то убрала, что-то сгладила... В результате, адаптированный вариант книги на русском языке отличается от подлинника...» (В.Бакин «Неизвестный Высоцкий», М., 2011, стр. 265-266).

У меня, конечно, вызывает удивление, почему тех, кто интересуется творчеством Владимира Высоцкого «профессионально» и коллекционирующих все его выступления и публикации о нём близко знавших его людей, до В.Бакина, никого не заинтересовали различия двух вариантов книг – французского оригинала и его русского перевода. Это напоминает давно забытое выражение, что народ что-то может неправильно понять, поэтому для него нужно специально адаптировать текст, который в других странах преподносится не в искажённом виде, а в нашей стране только более правильным литературным языком, но зато с отличиями от подлинника.

Как-то, даже смешно, обсуждать этот вопрос с теми, кто готов собирать все записи выступлений Владимира Высоцкого, только с целью выявить различия в текстах его песен, связанных, как бывает у любого автора, с их правкой или уточнением в некоторых спорных высказываниях, какой-то важной для него мысли. Причём на этом основываются почти все спекуляции в отношении политических взглядов Владимира Высоцкого, как и его важная роль в «партизанской» деятельности антисоветского «диссидентского подполья».

В приведённом мной тексте книги Марины Влади, с описанием похорон и к установке ему памятника на кладбище, были даны нелюбезные характеристики некоторых его друзей, и главное оскорбительные высказывания в адрес отца Владимира Высоцкого. Конечно, это не могло вызвать ответной реакции с их стороны, особенно со стороны близких родственников:

Виктор Бакин приводит длинный перечень взаимных оскорблений и обвинений, вплоть до желания обеих сторон, разобраться друг с другом в судебном порядке. До суда, правда, дело не дошло, но сказанных слов, обратно в рот не засунешь:

«...1 марта прошла пресс-конференция в помещении театра-студии «У Никитских ворот». Кроме автора в ней приняли участие тележурналист С.Ломакин, режиссёры Э.Смольный и Марк Розовский, бывший администратор Театра на Таганке, а тогда директор театра-студии В.Янлович.

Влади раздала несколько книг журналистам московских газет - на пресс-конференцию пришли единицы. Вопросов по книге задавали мало, так как книгу почти никто из присутствующих не читал. Задавали вопросы о работе автора книги в кино, о том, как восприняли книгу во Франции, о дальнейших планах....

Большинство присутствующих на пресс-конференции поразила степень откровенности, с которой Влади рассказывала о пороках и слабостях бывшего мужа, об обстоятельствах их семейной жизни. Её уверенное поведение как бы говорило: «А что, разве нужно по-другому?!»

Одна из присутствующих женщин попыталась разъяснить французженке особенности русского менталитета, его нравственные и моральные заповеди: «Судя по тому, что нет вопросов по книге, очевидно, я думаю, что всё-таки большинство не читало. Я принадлежу к числу тех, кто прочитал

книгу. Поэтому мне легче о ней говорить. Извините, Марина Владимировна, я буду говорить резко критически. К сожалению, я нашла в книге больше плохого. В чём я усматриваю основной её недостаток. В том, что книга сделана в противоречии и как-то с пренебрежением к нашим моральным и нравственным устоям, которые родились не сейчас, не сегодня...

Посмотрите, сколько у нас хороших заповедей, которые хранятся в народе: не говорить об умерших людях плохо, а тем более унижительно; не говорить о родителях так неуважительно и оскорбительно. Эти устои нашего народа держатся крепко, и это хорошо.

Мы все знаем об этом пороке, и для нас ничего нового вы не открыли. Меня поразило то, что вы через каждые 5–10 страниц снова и снова возвращаетесь к этой теме. Его аномальное состояние вы описываете с чувством смакования. Мне это показалось навязчиво и оскорбительно за самого Высоцкого. Создаётся впечатление, что Высоцкий годами находился в состоянии какого-то отключения».

Влади, которая родилась и воспитывалась в другой стране — в стране, где отношение к жизни людей и, в частности, к таким вот мемуарам совсем не такое, как у нас, не стала развивать эту тему:

— Это не вопрос. Это ваше личное мнение. И тут не идёт обсуждение моей личной позиции. Я не под судом тут. Я на пресс-конференции отвечаю на вопросы. Дайте мне один вопрос, я вам отвечу. Или напишите книгу про Высоцкого. Это очень всем интересно будет.

Ведущий пресс-конференцию М.Розовский увидел поднятую руку:

- Пожалуйста, молодой человек, вы хотели что-то спросить...

Поднялся молодой человек:

- Я Никита Высоцкий - сын Владимира Семёновича Высоцкого, здесь мой брат рядом. Я и мой брат подаём в суд на вас за клевету. Клеветой называется выдаваемая информация, когда вы заранее знаете, что на самом деле дело было не так. Я проконсультировался с адвокатами... В книге достаточно много мест... Я очень этого не хотел. Мы восемь с половиной лет старались с братом, не лезть ни в какие конфликты... Практически всех близких нам людей вы незаслуженно оскорбили. Вы, походя, оскорбили мою мать, которая ничего плохого о вас никогда не говорила.

Это получилась книга о материальной бедности Высоцкого, а не о его духовном богатстве. Вы говорите, что это не мемуары, а крик души. Исследователь творчества Высоцкого вашу книгу обойти не может. Если там допускаются неточности, то в мемуарной литературе это называется не неточностями, а по-другому. Когда это касается живущих людей, которых я люблю, я это терпеть больше не буду. Я докажу это через печать.

Уверяю вас, если бы я написал книгу, она разошлась бы не меньшим тиражом. Это не ваш авторитет, это авторитет Высоцкого...

После этого братья Высоцкие сразу покинули зал.

В защиту автора книги встал основной поставщик «лекарства» для Высоцкого в последний год его жизни - В.Янклович:

- Жаль, что Никита с Аркашей ушли... Я никогда в своей жизни не делал заявления... Я пять лет последних был с Владимиром Высоцким. Я, к сожалению своему, готов на любом суде чести предъявить все документы, все свидетельства о том, что «ни единою строчкой не лжёт», как говорил Володя, ни единою строчкой не полгала здесь Марина. Прочитав книгу, я был просто потрясён... Я считаю, что тот подвиг, который сделала Марина, приехав в Советский Союз, чтобы своим личным свидетельством смыть всю эту пену, которая мешается вокруг имени Высоцкого. Она правильно сказала о той болезни, которой он **ежедневно** болел, **ежечасно** болел, **ежесекундно** болел... И как он вместе с Мариной пытался бороться с ней...

Позже Янклович будет недоумевать:

«Я до сих пор не понимаю, почему у нас с Володиной мамой расстроились отношения... После установки памятника я ещё заходил на Малую Грузинскую - на Володиные даты, а потом - всё».

Очевидно, семье Высоцкого нужно было время, чтобы разобраться в этом человеке, который эксплуатировал Высоцкого при жизни и продолжал эксплуатировать его имя после смерти.

Через некоторое время Янклович придёт к реальной самооценке: «Те, кто был при жизни рядом с ним, — пигмеи! Он соединил, объединил вокруг себя совершенно разных людей. После его смерти все разбежались по углам, в разные стороны. Потому что ничего духовного в нас по сравнению с ним не было, нет, и вряд ли уже будет. Всё, что я ни скажу о Высоцком, будет лишь моим никчемным субъективным мнением...»

Суда, о котором говорил *Никита* Высоцкий, не будет. Против суда будут обе стороны, и каждый по-своему прокомментирует выступление на этой пресс-конференции.

М.Влади:

«Это очень печальная и глупая история. Мне их жалко. Они молодые и не очень знают жизнь. Они с отцом очень мало общались. То, что они знают, - это рассказы других людей вокруг них: родные, друзья, которые хотят сделать что-то гадкое мне. Но они не понимают, что они сами себе делают, потому что если этот суд будет, то, конечно, я буду защищаться. И тогда я не буду

рассказывать вещи таким очень деликатным тоном, как я сделала в книжке. Я выну документы, письма Володи, и тогда это будет очень больно и родителям, и сыновьям, к сожалению, всем людям, которые пытаются что-то сделать в этом смысле. Я очень надеюсь, что это было просто выступление перед прессой, чтобы сделать своего рода скандал».

Очень сложно назвать всё сказанное ею в книге о родителях и интимных отношениях между супругами «очень деликатным тоном». Она видела только свою «правду», а задуматься о том, нет ли в словах близких хотя бы доли справедливости, ей не хотелось.

Н.Высоцкий:

«Произошёл конфликт между многими людьми, которые вначале были вместе, объединённые горечью утраты. Все встречались, нуждались друг в друге. Это те самые люди, которые сейчас руки друг другу не подадут. Они были разными — разными и остались. С очень многими из них Марина была знакома поверхностно. Например, с моей мамой, которой в книге походя даётся просто некрасивая оценка. Но дело даже не в этом, дело в том, что Марина написала книгу сгоряча, после достаточно острого конфликта между ней и несколькими людьми, в частности моим дедом и бабушкой, из-за памятника, который она посчитала уродливым. Я и тогда, и сейчас думаю: не дай бог кому-нибудь пережить своего сына, но если он умер — святое право родителей поставить ему памятник. Такой, какой они считают нужным. И она должна была это признать.

Что касается вообще моего отношения, Марина для меня была и остаётся вдовой моего отца, и поэтому я к ней очень уважительно отношусь. Он её выбирал, а не мы. Но, с другой стороны, мы тоже его родные, близкие.

С людьми поссорилась она сама, а не он, а написала, что они плохо к нему относились. Он с тем же Володарским собирался делать фильм - не так-то много людей, которые могут похвастаться, что они его соавторы. И тот просто, как другу — не Марине, опять же, а отцу, — сказал: строй у меня на участке дачу. Своему другу сказал. Понимаете? Марина позже хотела использовать этот дом по-другому; он взял и разобрал. Это ссора его и Марины, и она не должна бросать тень на отца.

У меня был момент, когда я очень раскаивался о том, что сделал. Именно потому, что это не принесло никакого результата. Я был резок, несдержан, но... ничего такого сверхобидного не сказал. Сказал, что подаю на неё в суд. Но потом, подумав, понял, что на суде, подогретом этой публичностью, начали выплывать такие грязные вещи, что... Вот поэтому я и решил не подавать в суд, а не потому, что там не было клеветы. Она была. Что мой дед ходил с доносами на отца - это клевета» (*В.Бакин «Неизвестный Высоцкий», М., 2011, стр. 268-272*).

Теперь посмотрим, чем выражается недовольство «рецензией» Виктора Бакина у Анатолия Анатольевича Олейникова, председателя одного из «фондов памяти» Высоцкого, в рассматриваемой мной части книги Марины Влади «Владимир, или Прерванный полёт»:

«...Дети Высоцкого заявили, что подают на Марину Влади в суд за клевету. Воды утекло с той поры немерено. Именно время, как высший судья, доказало правоту и правду Марины Влади.

Дадим слово десятилетия спустя родным и близким Высоцкого:

Людмила Леоновна Высоцкая (*двоюродная тетя Владимира Высоцкого*):

«Я смотрела по телевизору, как Никита, явно подговоренный Семёном, выступал против Марины: мол, как эта Влади посмела открыть, что Высоцкий был наркоманом и всё такое...

В чём дело? Вдова написала всю правду - как смогла и как считала нужным. Правду у нас не любят.

... Если бы не Марина, Володя бы давно в тюрьме сидел! Она его спасала! Столько вытерпела ради него. Даже вступила в компартию Франции, хотя эта компартия нужна была ей, как чирей на одно место. Марина его любила.

Помню, слушала Никиту и думала:

«Боже! Ну, каким надо быть, чтобы выступить против этой женщины?». На неё свалилось несчастье, она столько пережила! Ухаживала за Володей. Сколько раз он умирал, а Марина буквально вытаскивала его с того света!»

Никита Высоцкий (июль 2005 года, «Эхо Москвы»):

«Книга Марины – это абсолютно некоммерческий проект. Хотя она выдержала безумные тиражи. Если хотите, книга Марины написана слезами и кровью... Как бы я к ней не относился – Марина против Владимира Семёновича не погрешила».

«...Я испытываю к ней огромное уважение за то, что она сделала для отца при жизни и после его

смерти. Я ей благодарен даже за эту книгу».

Аркадий Высоцкий (в интервью «Московскому комсомольцу» в 2000 году):

« Я не общаюсь с Мариной Влади. Но я сохранил о ней самые прекрасные и замечательные воспоминания. Если она когда-нибудь это прочтёт, это святая правда.

Я с Мариной не ссорился. Я переписывался с её детьми. Когда она привозила сюда своего Вовку, младшего, я всегда ходил с ним на каток и вообще от неё никогда не дистанцировался.

Конфликт с Мариной произошёл не у меня и даже не у Никиты, хотя он выступил «оратором» этого конфликта.

Конфликт с Мариной произошел у покойного Семёна Владимировича Высоцкого, у бабушки, у отца моего отца. Конфликт на почве каких-то непониманий, столкновения амбиций и, я не знаю, чего там ещё. Мы были в этой ситуации - заложники, нам было в это время по двадцать лет, мы были сопляки....

Но я ни с кем не ссорился. Я никогда ни одного плохого слова Марине не сказал. Я её очень уважаю. Я читал её книгу, знаю хорошо её биографию. Я восхищаюсь тем, как она подняла всю свою семью, своих стариков и всех своих сестёр тащила, родила троих детей....

Ей очень тяжело в жизни пришлось. Она достойна уважения. Мой отец с дурной женщиной не прожил бы столько лет. Абсолютно точно. Я бы на его месте тоже б не отказался...».

А непосредственно, что касалось пресс конференции Марины Влади, описанной Виктором Бакиным, то А.А.Олейников отметил там следующее:

«...Уподобимся Бакину, укажем «рецензенту» на очередной «непростительный» косяк - уличим в НЕПРАВДЕ.

«1 марта прошла пресс-конференция в помещении театра-студии «У Никитских ворот»- утверждает Бакин. Откуда такая информация, уважаемый? Кто это, Вам, ляпнул такое? Или сами придумали? Как известно, конференция проходила абсолютно в другом месте, а именно: В кинотеатре кооператива «Белый лебедь» расположенного в доме, на 6-ом этаже которого - квартира Вадима Туманова, а Вы - в помещении театра-студии «У Никитских ворот». Тщательнее бы надо товарищ...

И что? Повесить Вас, за этот косяк или на этом косяке?

Да разве, в этом, правда? Правда, в существовании самой конференции, а не в инертных деталях событий. Свершившаяся правда уже не меняет сути вещей. Как не меняет её несущественный факт о том, что пресс-конференция проходила не в том месте, а в другом. Эта фоновая деталь событий - декорация.

Правда - в факте клинической смерти и последующих за этим событий, правда - в рассказах о случившемся в жизни Высоцкого очевидцев, правда - в чувствах и отношениях людей, правда - не в замороженных датах и числах, не в точках и пунктах географии, правда - в самом течении жизни, в случившейся судьбе Владимира Высоцкого, о которую вытер ноги очередной про...хожий, по фамилии Бакин...».

Что касается неточности у Виктора Бакина, относительно места пресс конференции Марины Влади 1 марта 1989 года, то это вероятно благодаря информации из книги журналиста Валерия Перевозчикова «Ну здравствуй, это я» (*М., Вагриус, 2006, глава «Заключение»*). У этого журналиста, одного из главных специалистов по жизни и творчеству Владимира Высоцкого, взявшего множество интервью от его знакомых и близких, об этой конференции написано так:

«...1 марта 1989 года в зале Театра Марка Розовского состоялась презентация книги Марины Влади «Владимир, или Прерванный полет». А 2 марта в малом зале Дома кино состоялся просмотр документального фильма ленинградского режиссера Петра Солдатенкова «Я не люблю». Когда в зале зажегся свет, Марина Влади встала, вытирая слезы, и сказала: «Это первый честный фильм о Володе».

Позже возникает идея: организовать встречи читателей книги «Владимир, или Прерванный полет» и, естественно, почитателей Высоцкого с Мариной Влади, а перед встречами показывать фильм П.Солдатенкова.

Дело в том, что начиная с 1989 года книга Марины Влади издавалась громадными тиражами практически во всех республиках Советского Союза. Общий тираж теперь определить трудно, но он превысил 5 миллионов экземпляров!..» (*Книгу Валерия Перевозчикова «Ну здравствуй, это я», можно прочитать на сайте <http://lib.rus.ec/b/305936/read#t21>*).

Самое интересное при описании этой конференции, Валерий Перевозчиков ни одним словом не обмолвился, ни о сыновьях Владимира Высоцкого, ни об их уходе с неё, после того, как Никита Высоцкий, сказал, что он подаст в суд за клевету Марины Влади на родственников его отца.

Так что в этой книге Валерий Перевозчиков выразил именно ту «правду», которая по Анатолию Олейникову имеет значение – одни только заданные из зала вопросы Марине Влади, а уход с конференции сыновей Высоцкого и угроза Никиты Высоцкого подать на жену отца в суд, - «это фоновая деталь событий – декорация».

Я не пишу биографию Владимира Высоцкого, а стараюсь рассказать, какое значение имело в моей жизни его творчество, но, говоря о нём, я не особенно полагаюсь на свою память, когда нужно привести конкретные факты. И поэтому открываю лежащие передо мной книги (*в том числе и Марка Цыбульского, Валерия Перевозчикова и Виктора Бакина*), и уже не тупо смотрю в монитор компьютера на разброс дат, одних и тех же упоминаемых событий, которые в таких случаях никак нельзя посчитать какими-то фоновыми деталями. Потому что, только по этим «деталям», по их совокупности, можно установить, что имело место в реальных событиях, а что просто «бред сивой кобылы» о каких-то делах или поступках «в день, какой неведомо, в ни каком году».

Хотелось бы также положить рядом с отмеченными выше авторами и книгу Анатолия Олейникова, у которого наверняка много ещё ни кем не систематизированных материалов о Владимире Высоцком, а не читать его истерические высказывания, часто даже без указания источника приведённых им цитат, по поводу необъективности, прямого подлога или клеветы. Одно можно сказать, что многое сказанное им о Викторе Бакине, можно отнести и к нему самому.

Но хватит говорить об «рецензентах» и закончить главу этой статьи, не только обсуждением книги последней жены Владимира Высоцкого, но и упоминанием, наряду с двумя другими бывшими жёнами, других женщин, которые претендовали на роль его жён, а некоторые даже считали себя его гражданскими жёнами.

Валерий Янклович, который распевал дифирамбы Марине Влади на её пресс конференции 1 марта 1989 года, потеряв остатки стыда, разоткровенничался о женщинах Владимира Высоцкого перед корреспондентом «Экспресс газеты» Борисом Кудрявовым. А тот об этом интервью рассказал в своей статье «У Влади с Высоцким были проблемы с сексом» (*Экспресс газета №18 [639] от 11 мая 2007 года*):

«В марте мы опубликовали материал «С любовницей Высоцкого переспать хотели все», в котором рассказывалось о запутанных отношениях легендарного барда с актрисой Татьяной Иваненко. О ней и других любимых женщинах Владимира Семеновича, конечно же, всё знает его ближайший друг - администратор Театра на Таганке Валерий Янклович, которого некоторые называют даже «душеприказчиком» ВЫСОЦКОГО».

Валерий Янклович:

- Мы сблизились с Высоцким, когда он уже был состоявшимся гением. И сам знал об этом. Может, он меня и приблизил к себе, поскольку я это прекрасно понимал. Во всяком случае Высоцкий никогда не был для меня Володькой.

Рядом с Владимиром Семеновичем я пробыл последние семь лет его жизни. Он объединил вокруг себя самых разных людей. После его смерти все разбежалось по углам, стали, по сути, врагами. Потому что ничего духовного в нас по сравнению с ним не было и вряд ли уже будет.

- Баб у Высоцкого действительно было много. Вот говорят, главная, мол, Людмила Владимировна Абрамова. Потому что она родила ему сыновей.

Да, родила! И что? Люся - лишь маленькая часть его огромной жизни. Самое большое место в сердце Высоцкого занимала все-таки Марина Влади. И я считаю несправедливым, что на последних торжествах по поводу дня рождения Высоцкого ее имя даже не звучало.

Борис Кудрявов:

- А что, без нее такого Высоцкого мы бы не знали?

Валерий Янклович:

- Безусловно! Это был бы куцый продукт системы, в которой все тогда жили. Смее утверждать, именно Марина Влади сумела привить Володе правильное отношение к деньгам, настоящему труду. Именно она открыла ему мир и открыла его миру. В Марине есть все – и величие, и бабская русская натура, замешенная на кухонной скандальности. Но самое главное в ней - огромное, просто вселенское море любви. Посмотрите на ее полуулыбку. Никакой Джоконде такое даже присниться не могло.

Борис Кудрявов:

- Многие с вами не согласятся...

Валерий Янклович:

- Да, Влади обижена на близких Высоцкому людей, оскорбивших ее после смерти мужа. Одним из поворотных моментов в жизни Марины стало отношение к ней Никиты Высоцкого. Когда после выхода в России книги «Владимир, или Прерванный полет» он резко выступил - будем в суд подавать! Конечно, Влади очень субъективна в своих оценках. И родителей Высоцкого не в последнюю очередь. А разве она могла быть другой со своими личными ошибками, алкоголизмом, мужьями? И потом нужно учитывать, что в книге есть элементы художественного образа.

Борис Кудрявов:

- Но ведь у них все было очень и очень непросто...

Валерий Янклович:

- Конечно, в отношениях Высоцкого и Марины была не только любовь. С сексом там, кстати, было не всё в порядке. Особенно в последние годы. Когда после Володиной кончины Влади узнала о Ксюхе (*Оксане Ярмольник, в девичестве Афанасьевой*), это был для неё страшнейший удар. Но смаковать, честно говоря, не хочется. Гораздо важнее понять, на какой почве сформировался талант такого уникального человека.

Борис Кудрявов:

- Он же не сам по себе возник?

Валерий Янклович:

- Разумеется, не сам! Что-то, видимо, досталось от родителей. - У Володи были, между прочим, не самые хорошие гены. Мама с папой дали ему, к сожалению, только жизнь в момент его рождения. И все. О какой-то духовности речи нет. Они сами были обкрадены, ущемлены. Так же, как все люди их поколения.

Нина Максимовна просто мечтала сделать из него «пионера-героя», то есть «правильного» человека. А Володя таким быть не мог! Потому что жил слишком широко, нараспашку.

Борис Кудрявов:

- Некоторые считают, что женщины любили Высоцкого за талант, а не за, так сказать, мужскую статью.

Валерий Янклович:

- В молодые свои годы он ведь не был для баб Высоцким. Просто мужчиной, мужиком. Это уж потом многие вообразили себя его музами и ангелами-хранителями. Вот та же Татьяна Иваненко заявляет, что без нее, мол, Володя бы спился. Что говорить об Иваненко? Она одна из его сотен девочек. Ей очень хотелось им поуправлять.

Всё, не больше. Какого-то серьезного духовного влияния на Высоцкого, как на художника, она не оказала. Просто Татьяна одно время очень устраивала его в сексуальном плане.

Борис Кудрявов:

- У них ведь и дочка общая?

Валерий Янклович:

- Говорят, девочка ее Настя на него похожа. Но Высоцкий ее не признавал. «Как ты думаешь, - говорил он мне, - если бы я чувствовал, что это мой ребенок, неужели не стал помогать?!» Он к детям великолепно относился, возможно, потому, что общения со своими сыновьями был практически лишен. В конце концов, если кому-то сильно нужно, можно ведь сделать анализ ДНК. Где-то же сохранились волосы Высоцкого. У Марины, например.

Борис Кудрявов:

- Говорят, что его последней любовью была все-таки Оксана, нынешняя жена Ярмольника.

Валерий Янклович:

- В последние годы его жизни Ксюха Афанасьева имела, конечно, на него влияние. Володя принимал активное участие в обсуждении ее художественных работ, эскизов. Но при этом рядом с Володей теплились еще как минимум пяток баб. Афанасьева ведь совсем девочкой была. Ему секс с ней очень нравился. А Марина к тому времени становилась слишком довлеющей. «Она так руководит в постели, что у меня уже вставать не хочет!» - признавался Володя. А он не терпел давления, особенно от женщин, ни в каком виде!

Ходят слухи по домам:

Поговаривали, что Янклович был казначеем поэта и даже доставал Высоцкому наркотики. По Интернету разгуливает версия о «неумышленном убийстве» Высоцкого. Вроде бы врач Федотов дал ему перед смертью какой-то наркотический препарат, но, дескать, не рассчитал дозу. Поэтому родственники барда якобы и настояли на том, чтобы вскрытие тела не проводилось.

В момент смерти рядом с Владимиром Семеновичем, кроме врача, находились Оксана Афанасьева (Ярмольник) и Валерий Янклович.

Читая такие откровения друзей, трудно удержаться, чтобы и самому не представить и не прокомментировать, что могло происходить на похоронах Владимира с какой-нибудь из любовниц барда, о которых, как о Татьяне Иванцовой, даже написали в «Экспресс газете», прямо, чуть ли не в заголовке статьи, что с ней «переспать хотели все»:

Высоцкий, Галич, Окуджава,
Ну, разве можно их сравнить,
Гордится бардами держава,
Когда идёт их хоронить.

Несут венки, звучат оркестры,
Выносят гроб, толпа ревет,
И в гроб залезть, готова «пресса»,
А вдруг покойник оживёт.

Родня печалится притворно,
И жёны «все» режут подряд,
А кто-то срезал прядь проворно,
Со лба у барда и продал.

«Друзья» до выноса поддали,
За них несут другие гроб,
А те, кто лишь поминки ждали,
Крестясь, слюнявят только лоб.

Читают речи по бумажке,
С «женой гражданской», «друг» скорбит,
Гроб опускают, он же ляжки,
«Вдовы» рукою теребит.

Могила убрана цветами,
Свежей, на кладбище, нет роз,
И вскоре памятник поставят,
С гитарой, будто не всерьёз.

Ну, что тогда можно сказать о таком «душеприказчике» Владимира Высоцкого, как Валерий Янклович? Наверно то же самое, что сказал о его друге Кохановском, отец барда Семён Владимирович Высоцкий журналисту Валерию Перевозчикову во время своего интервью 14 октября 1989 года, когда их разговор переключился на друзей его сына:

Валерий Перевозчиков:

- А сад «Эрмитаж» - это же рядом с Большим Каретным?

Семён Высоцкий:

- Рядом. Сначала я ходил в этот сад, потом Вовка.... А когда-то я там познакомился с пловчихой Васильевой – любовницей Василия Сталина. А она в меня влюбилась. Так, что я мог крупно погореть с этим.

Ну, а ребята, часто бывали в «Эрмитаже» - Акимыч, Володя, потом появился Кохановский – Васечек. Он же Володю предал по жизни, и предал очень здорово! Володя исключил его из своих друзей.... Ты это знаешь?

Валерий Перевозчиков:

- Я знаю, что Кохановский исчез из жизни Высоцкого, но, как и почему?

Семён Высоцкий:

- Володя сам исключил его из своей жизни, потому что Кохановский начал хамить. Гарик же приставал ко всем Володиным жёнам и к Тане Иваненко – актрисе Театра на Таганке, и Володя однажды сказал:

«Всё, Васечек, ты мне больше не нужен» (*Валерий Перевозчиков «О Высоцком – только самые близкие», М., Алгоритм, 2011, стр. 36*).

После таких откровений в прессе и такому близкому другу, как Валерий Янклович, Владимир Высоцкий мог бы сказать то же самое, что и Гарику Кохановскому, - хотя, и не исключено, что мог бы ограничиться не только этими, чисто дипломатическими мерами.

Осталось только прокомментировать одну из деликатных тем биографии Владимира Высоцкого, которую в последнее время стали ставить на обсуждение – о его религиозных взглядах и к православию в частности. Подняли даже вопрос, а был ли он крещён, если да, то где и с соблюдением каких правил.

Родители Владимира Высоцкого об этом ничего не знали, Марина Влади тоже, и только одна его вторая жена Людмила Абрамова, а также ряд упоминаемых ей лиц, утверждают, что он крестился в армянской церкви, хотя и тут у них мнения, расходятся по какому там обряду - православной или армянской церкви.

Спекулировать на эту тему ещё, видимо, будут долго, хотя ни у кого не возникает сомнения, что в Бога он верил, если прямо об этом сказал:

«Мне есть что спеть, представ перед Всевышним, мне есть чем оправдаться перед Ним».

